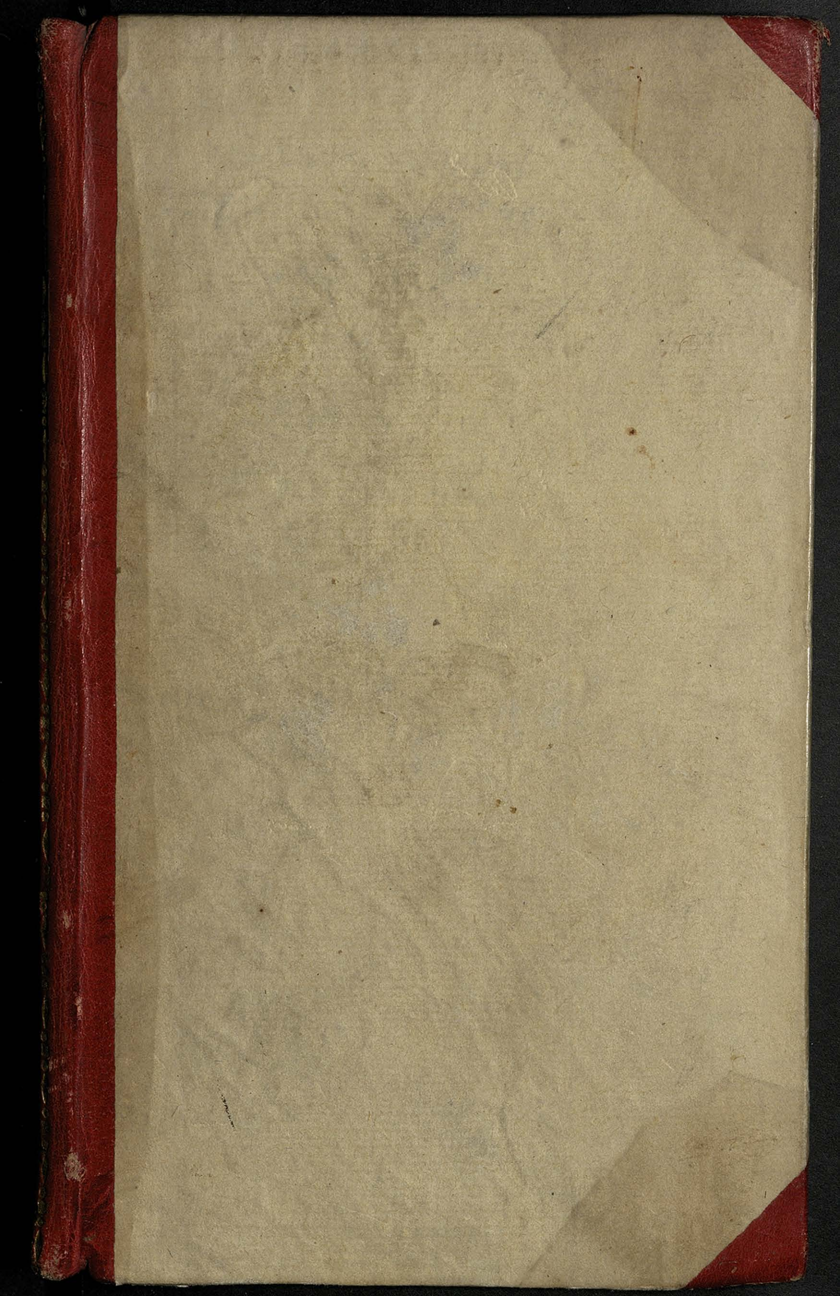

H-8°
81B
MK

из б-ки Десницкого

2-й экз.

МК
Б/о

ЗОЛОТОЕ ЗЕРКАЛО,

ИЛИ
ЦАРИ ШЕШІАНСКІЕ,
ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ.

Переведена
съ
ФРАНЦУЗСКАГО.

Mihi quidem videntur huc omnia esse referenda iis qui praesunt aliis, vt ii qui erunt in eorum imperio, sint quam beatissimi. Cicero *ad Quint. frat. I.* 1. 8.

т. е. Мнѣ кажется сюда все должно тѣмъ относить, которые надъ другими начальствуютъ, дабы тѣ, кои будутъ подъ ихъ властію, были совершенно блаженны.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1781 года.

ЦАРИ ШЕШІАНСКІЕ.

Въ обыкновенный часъ, Данишемендъ, продолжалъ исторію о Принцѣ Тифанѣ слѣдующимъ образомъ:

Ченгисъ взиралъ со внутреннимъ удовольствіемъ на огонь, пылавшій въ душѣ Тифановой, на твердость, съ коею онъ готовъ былъ отважить жизнь свою за отечество, къ защищенію котораго въ достоинствѣ мнимаго сына знатнаго человѣка въ Шешіанѣ почиталъ онъ себя призываемымъ породою, и на его нетерпѣливость ко всему тому, что на мгновеніе удерживало его отъ исполненія сея должности. Онъ наслаждался чистымъ и всѣ другія роскоши превосходящимъ удовольствіемъ, видя великодушныя старанія свои щастливымъ успѣхомъ увѣнчаваемыя

мыя. Недовольно было для него, спасти жизнь сыну такого Государя, который былЪ его другЪ: онЪ учинилЪ его наилучшимЪ изЪ человѣковЪ. Всякая добродѣтель, и каждая способность, которыхЪ доброе употребленіе показуетЪ великаго человѣка, являлись вЪ прекрасной душѣ его при малѣйшемЪ случаѣ. Казалось, что *природа* великія предпріяла сЪ нимЪ намѣренія; а щастіе открыло ему при вступленіи его вЪ мужескій возрастЪ такій театрЪ, на которомЪ сама необходимость назначаетЪ всякому свою ролю, гдѣ нечаянность имѣетЪ малѣйшее участіе, и каждая великая заслуга является вЪ собственномЪ своемЪ сіяніи. Предчувствованія мои исполнились, говорилЪ самЪ вЪ себѣ ЧенгисЪ; ТифанЪ опредѣленЪ кЪ тому, что бы основать на развалинахЪ древняго, новое лучшее Шешіанское государство. Время открыть ему, кто онЪ, и поставить его на путь, сдѣлаться такимЪ, что онЪ быть долженЪ.

По-

Послѣднія увѣдомленія, которыя Ченгисъ получилъ отъ своего друга, гласили о всенародномъ соединеніи нѣкоторыхъ городовъ противу вельможъ, объявившихъ себя соперниками на престолъ. Соединенные назывались отечественною стороною: и хотя не были они согласны въ способѣ, по которому надлежало *впредь управлять* государственными дѣлами, но всѣ положили опровергнуть тиранство; они твердо предпріяли не признавать того Государемъ, кто кромѣ силы своего оружія, не имѣлъ лучшаго права. „Шешіанскій вѣнецъ за недостаткомъ законнаго наслѣдника, достался, говорилъ Тифанъ, народу. Желающіе получить оный силою, не имѣютъ другаго права, кромѣ своего властолюбія. Сторона союзныхъ городовъ есть сторона народа, а сей одинъ имѣетъ право управлять тѣмъ учрежденіемъ, чрезъ которое мнитъ онъ увѣриться наилучше во владѣніи существен-

ныхъ своихъ правъ на вольность и блаженство. Ченгисъ не можетъ того не одобрить, когда я иду оказать отечеству моему должныя услуги. „Но что ты скажешь на то Тифанъ, сказалъ старецъ, есть ли я открою тебѣ, что еще остался Принцъ изъ дому Огул-Хана, котораго на престолъ требованія тѣмъ менѣе сумнительны, что онъ сынъ единаго токмо брата Султана Азора?

Гдѣ же сей Принцъ спросилъ Тифанъ съ такимъ видомъ, который весьма ясно показывалъ, что Ченгисъ привелъ его симъ непріятнымъ увѣдомленіемъ въ изумленіе. Наша лѣтопись ничего о немъ не упоминаетъ. Возможно ли, чтобъ бытіе того Государя, котораго бы единое имя усмирило всѣ Шешіанскія беспокойства, было доселѣ тайною?

Нѣтъ ни единаго человѣка, который бы не думалъ, отвѣчалъ старикъ, что сей Принцъ, какъ

и всѣ другіе изъ дому Азорова, былъ жертвою жестокія недовѣренности тиранна Исфандіара. Но въ томъ обманываются; онъ живъ; а что еще больше тебя удивитъ, сынъ мой! . . . . Я токмо одинъ знаю тайну его сохраненія.

О отче мой, вскричалъ Тифанъ, съ беспокойствомъ, чувствительно умножающимся, что сія за тайна! Она можетъ быть есть нещастіе для Шешіана! Ежели сей Принцъ не имѣетъ нужныхъ качествъ для возстановленія государства толь изнуреннаго и истощеннаго, и для приведенія его въ цвѣтущее состояніе; ежели онъ есть вторый Исфандіаръ или по крайней мѣрѣ вторый Азоръ, то не есть ли сіе должность въ разсужденіи отечества, потомства, живущихъ и неродившихся милліоновъ тварей, чтобъ скрыть толь опасную тайну въ вѣчномъ молчаніи?

Младый Принцъ имѣетъ весьма хорошія расположенія, отвѣчалъ Ченгисъ, и его право. . . . о отче

 мой,

мой, перервалъ рѣчь его Тифанъ, какое право можетъ быть священнѣе права цѣлаго народа, стремящагося къ благополучію? Какое ужасное мнѣніе, допустить зависѣть жребію столь многихъ человѣковъ отъ сомнительнаго рѣшенія характера единаго!

Но народу должно имѣть Государя, отвѣчалъ Ченгисъ. Многоначаліе не можетъ имѣть мѣста въ толь пространномъ государствѣ. Раздѣлить Шешіанъ на множество малыхъ свободныхъ правленій, что бы потомъ соединить ихъ въ цѣлое столь слабою нитью, каковъ общественный союзъ, было бы опаснѣе для тишины и благоденствія народнаго, нежели все то, на что можемъ отважиться при юномъ Монархѣ. Сіе, мнѣ кажется, давно уже между нами рѣшено.

Изрядно, сказалъ Тифанъ. Но не лучше ли бы поступилъ народъ, есть ли бы, по свободному выбору, вручилъ правленіе тому, къ кому онъ

наи-

наибольшую имѣетъ довѣренность, тому, который бы оказался оныя наидостойнѣйшимъ? Младый Принцъ можетъ быть, не знаетъ своихъ правъ. . . .

Онъ ихъ не вѣдаетъ, сказалъ Ченгисъ. . . . и его бытіе народу неизвѣстно, продолжалъ Тифанъ. И такъ изъ того не можетъ никакого произойти зла, есть ли станутъ скрывать его права̀ отъ него самого и отъ народа. Я думаю, что сіе было бы безопаснѣе.

Но продолжалъ Ченгисъ, есть ли меня все не обманываетъ, то не можемъ мы избрать лучше того Государя, котораго намъ небо опредѣлило. Онъ Государь младый, весьма великодушный, пріятный, добродѣтельный, какого свѣтъ, можетъ быть, никогда не увидитъ.

Ты говоришь о семъ толь увѣрительнымъ голосомъ, отвѣчалъ Тифанъ; какъ возможно, что ты научился его знать толь совершенно?

Весьма возможно, отвѣчалъ Ченгисъ, когда я самъ его воспиталъ.

Ты самъ, вскричалъ Тифанъ, съ такимъ смущенiемъ, которое показывало, что душа его познавала обнаруженiе тайны по внутреннему предчувствованiю.

Я самъ, Тифанъ; очи мои зрѣли его возрастающаго. И больше двацати лѣтъ не оставлялъ я его ни на минуту. Однимъ словомъ, Тифанъ, ты сей Принцъ. Ты единое дитя, оставшееся отъ брата Азорова, ты наслѣдникъ Шешiанскiй.

И такъ ты мнѣ не отецъ, сказалъ Тифанъ печальнымъ голосомъ и омочивъ глаза свои слезами.

Нѣтъ, любезный Тифанъ, отвѣчалъ старый Ченгисъ, взявъ его въ свои объятiя и цѣлуя многократно чело его, кое орошалъ слезами. Ты сынъ друга моего . . . . отецъ твой достоинъ былъ престола . . . Онъ оставилъ тебя мнѣ, какъ драгоцѣнный и любезный залогъ . . .

такъ

такъ, дорого онъ мнѣ сталъ, о нѣжный Тифанъ; но не дорого купилъ я въ тебѣ право втораго отца; ибо, для сохраненія твоея жизни, предалъ я единороднаго своего сына Исфандіару. Онъ думалъ, что удавилъ тебя, а я ушелъ съ тобою въ сіе убѣжище. Не вѣдая, что могло опредѣлить небо съ твоимъ жребіемъ, воспиталъ я первую твою юность, какъ бы ты опредѣленъ былъ жить частнымъ человѣкомъ. Я самъ себѣ говорилъ: кто есть все то, что *человѣкъ* долженъ быть, для заслуженія сего прекраснаго имени въ наидостойнѣйшемъ его знаменованіи, тотъ будетъ всегда добрый Государь. Съ тѣхъ поръ предвидѣлъ я, что безумное Исфандіарово правленіе въ такое время, когда исправнѣйшее государственное домостроительство едва могло соблюсти потрясенное государство, кончится наконецъ цѣлымъ разрушеніемъ настоящаго учрежденія. Мои догадки исполнились. Шешіанъ

шіанъ безъ начальника; всѣ ужасы безначалія стекаются на сію нещастную землю. Настало время, въ которое добродѣтель единаго человѣка можетъ рѣшить жребій всего народа. Спроси свое сердце, Тифанъ; что оно тебѣ говоритъ въ сію минуту?

Я чувствую себя колеблема такимъ смущеніемъ, отвѣчалъ Тифанъ, которое требуетъ времени, что бы мнѣ съ собою собраться. Желалъ бы я, что бы ты оставилъ меня въ томъ заблужденіи, которое составляло мое щастіе... Однако же, о отче мой! (говоря такимъ образомъ, прижималъ онъ біющееся сердце свое къ персямъ старика) я то чувствую, сердце мое всегда пребудетъ тоже. Я хотѣлъ, какъ сынъ великодушнаго Ченгиса, итти пролить кровь свою, положить жизнь свою за спокойствіе моего отечества; могу ли я нынѣ учинить менѣе въ лицѣ Теморова сына? Что я сказалъ, Теморова

сына! о почтеннѣйшій и преблагій старецЪ! да буду я всегда твоимЪ сыномЪ! Я могу сіе учинить, не оказывая тому неблагодарности, кому долженЪ я жизнію. Тайна наша тебѣ токмо свѣдома; и кто бы тебѣ повѣрилЪ, есть ли бы ты захотѣлЪ открыть ее? Позволь остаться мнѣ твоимЪ сыномЪ! Тебѣ обязанЪ я благодарностію, что я чувствую вЪ себѣ способность кЪ презрѣнію вѣнца; ты истинный мой отецЪ; и я хочу заслужить честь быть твоимЪ сыномЪ. Высочайшее мое честолюбіе далѣе не простирается.

Презирать вѣнецЪ, ТифанЪ! вскричалЪ ЧенгисЪ, вырвавшись вдругЪ изЪ его объятій . . . НѣтЪ, ТифанЪ, сіе не можетЪ наградить меня, за подЪятые мною для тебя труды! Презирай сластолюбивую нерадивость, праздность, роскошь, гордость, слабости и пороки, которыхЪ многіе изЪ вѣнценосцевЪ были невольники! Будь достоинЪ престола, для котораго ты рожденЪ!

Но

Но не говори, что ты презираешь то высочайшее званіе, которымЪ токмо можетЪ небо почтить нѣкогда смертнаго!

О отче мой! отвѣчалЪ ТифанЪ, коего мужественныя ланиты покрывались величественнымЪ румянцемЪ: прости неосмотрительное выраженіе такого чувствія, котораго ты не похвалить не можешь! Тебѣ извѣстна душа моя, которую самЪ ты поучалЪ; которая по твоимЪ вліяніямЪ и примѣру чтитЪ добродѣтель и стремится ко всему изящному и великому сЪ разпростертыми крылами. Я совершенно таковЪ, какого ты желаешЪ. Но... отче мой ... кто болѣе достоинЪ тоя чести, чтобЪ начальствовать надЪ народомЪ, какЪ разумнѣйшій и наилучшій? И естьли сіе справедливо, то кто, кромѣ Ченгиса, достоинЪ быть ГосударемЪ?

Любовь твоя ко мнѣ дѣлаетЪ тебя пристрастнымЪ, отвѣчалЪ старецЪ. ВпрочемЪ не касается до че-

чести первенства, дѣло идетъ о исполненіи сана, коего бремя требуетъ младшихъ, нежели мои, мышцей. Моя опытность можетъ быть тебѣ полезна; но ты не можешь сообщить мнѣ огня, живости, крѣпости въ трудахъ, къ которымъ младость твоя дѣлаетъ тебя способнымъ.

Остается еще великая трудность къ преодолѣнію, сказалъ Тифанъ; какъ ты можешь увѣрить въ томъ шляхетство и народъ Шешіанскій, что я Теморовъ сынъ?

Я? отвѣчалъ Ченгисъ; сего я не желаю! ты самъ, Тифанъ, долженъ ихъ въ томъ увѣрить. Ты произнесъ ужѐ приговоръ свой. Народъ не знаетъ правъ твоего рожденія, и мнѣ было бы не возможно, хотя бы я и захотѣлъ ихъ въ томъ убѣдить. Вольное избраніе должно того возвести на престолъ, кто будетъ онаго достойнѣйшій. Ступай, Тифанъ, способствуй народу въ утвержденіи законнаго его пра-

права противу желающихъ чрезъ разрушеніе вольности отворить себѣ путь къ престолу, противу старающихся исторгнуть то силою, къ чему чувствуютъ себя неимѣющими никакого пра́ва. Заслуживай признаніе отъ своихъ согражданъ наилучшаго между ими человѣка.... и горе имъ, есть ли они не познаютъ того, кто, ежели не обманываюсь, учинитъ ихъ щастливыми, есть ли токмо возложатъ на него свое благоденствіе!

Данишемендъ, сказалъ ШахЖебалъ.... Я начинаю усматривать, что ты хочешь намъ сказывать любовную исторію. Даже доселѣ большая часть твоего повѣствованія походитъ мѣстами на исторію сего свѣта. Но сей Ченгисъ, сей Тифанъ! Не можно упомнить, видано ли подобныхъ имъ людей! Не для того, что бы я почиталъ ихъ излишнюю добродѣтель предосудительною; но все то, Данишемендъ ненавижу, что походитъ на басню.

Есть ли Ваше Величество въ истинну такимъ образомъ думаете, отвѣчалъ Философъ, то я принужденъ всенижайше просить у васъ увольненія. Ибо, надобно мнѣ признаться, чѣмъ больше углубимся мы въ Тифанову исторію, тѣмъ меньше будетъ она имѣть видъ исторіи изъ *сего свѣта*. Но невзирая на сіе, не могу я у себя выбить того изъ головы, что сія исторія столькожъ справедлива, какъ Азорова и Исфандіарова. *Тифанъ невыдуманное существо.* Нужно всему роду человѣческому, что бы онъ не былъ. Или ужè онъ находился, или *есть ли* его *нѣтъ*, какъ думаю, *между нашими современниками*, то *весьма упователно*, *что онъ нѣкогда будетъ.*

Какъ бы то ни было, сказалъ Султанъ усмѣхаясь; когда бы твой Тифанъ былъ и сонъ, то мы желаемъ по крайней мѣрѣ видѣть, стоитъ ли труда старатъся, сдѣлать его дѣйствительнымъ.

Я имѣю еще толь много сказывать Вашему Величеству о томъ, что сдѣлалъ Тифанъ, *ставши* Государемъ, что думаю, поступлю нехудо, есть ли не буду распространяться въ томъ, что онъ учинилъ, *дабы сдѣлаться такимъ.*

Изрядно! Данишемендъ, мы другъ друга знаемъ. Долгія повѣствованія не имѣютъ дара меня усыплять; онѣ меня сердятъ. Мы знаемъ прежде, что ты хочешь сдѣлать изъ своего Тифана Государя; и какъ дѣло зависитъ токмо отъ тебя, то ты не можешь меня чувствительнѣе одолжить, какъ сокращая, сколько будетъ возможно, предуготовленія.

Ченгисово имя, продолжалъ Данишемендъ, кое было почитаемо всѣми оставшимися отъ временъ Азоровыхъ, немало споспѣшествовало въ пріобрѣтеніи юному Тифану выгодныхъ о себѣ мнѣній при первомъ его въ Шешіанъ вступленіи. Отечественная сторона

на приняла его съ отверстыми объятіями; и какъ при всякомъ случаѣ оправдывалъ онъ мнѣніе, его наружностію о немъ подаваемое, то вскорѣ пріобрѣлъ довѣренность и почтеніе отъ своихъ соотчичей. Нещастіе времени, казалось, возбудило въ Шешіанцахъ упадшее нравственное чувствованіе. Въ томъ возрастѣ, когда мудрость кажется почти несносною, Тифанъ представилъ имъ образъ совершенства, которому не могли они не оказать сначала своего удивленія, а наконецъ своея любви. Онъ былъ храбръ безъ продерзости, осмотрителенъ безъ нерѣшимости, скоръ безъ торопливости. Онъ всегда требовалъ больше отъ самого себя, нежели отъ другихъ, и управлялъ подчиненныхъ себѣ гораздо больше своимъ примѣромъ, нежели повелѣніями. Онъ узнавалъ при каждомъ случаѣ безъ ошибки тѣ способности, которыхъ каждое дѣло требуетъ отъ того, кто онымъ долженствовалъ быть обре-

менен. Надлежало дѣлать план?
Тифан всегда разсматривал всѣ обстоятельства вещи, измѣрял отношеніе своих средств с препятствіями, предупреждал тѣ приключенія, кои могли препятствовать его предпріятіям и пользовался всѣми тѣми выгодами, которыя проницательные взоры его в разных частях дѣла открывали. Касалось ли до исполненія онаго: то никто не имѣл болѣе его жара, твердости, неутомимаго терпѣнія, искуства, внести в свой план нѣкоторыя непредусмотренныя происшествіи, употребить в свою пользу погрѣшности своих противников, или исправить свои собственныя. Со всѣми сими дарованіями, соединял он нравы чистѣйшіе ;. . . . неизнѣженная чувствительность; крайнее презрѣніе к тѣлесным удовольствіям; равнодушіе ко всему, что может привести в забвеніе его должности; ласку и кротость к своим подан-

данным; почтеніе к старым; мудрость и испытанную добродѣтель; плѣняющее угожденіе равным; хотя, в самом дѣлѣ, он был один такій, который соединял в себѣ всѣ сіи качества. А что наипаче увѣнчивало его достоинство, то было изобрѣтенное им средство, быть любимым от всего народа, не взирая на толикія совершенства. Непринужденная скромность простирала пред ними завѣсу, сіяніе оных укрощающую, не препятствуя им возбуждать вниманія и удивленія. Стараніе, которое он прилагал быть в разсужденіи всѣх справедливым, возвышать малѣйшія заслуги других себѣ оказанныя и уклоняться от награжденій его ищущих, есть ли мог думать, что другій имѣет больше его к тому права; усердіе его служить под властію тѣх людей, коих несравненно превосходил он своими дарованіями, не хвастаясь никогда своими преимуще-

 ства-

ствами; способность его подавать имъ въ рѣшительные случаи свои мнѣнія, какъ бы оныя отъ нихъ происходили, и некорыстолюбіе, кое показывалъ онъ, попуская ихъ наслаждаться заслуженною имъ славою, *доволенъ будучи тѣмъ, что благо сотворилось, мало о томъ печалился, извѣстно ли то участіе, которое онъ могъ въ ономъ имѣть, или нѣтъ*: . . . все сіе примиряло съ достоинствами его самую зависть и ревнивость. Добродѣтель его толь сильное испускала сіяніе на всѣхъ окружающихъ его, что каждый казалось гордился тѣмъ, что былъ съ нимъ въ чемъ нибудь сравненъ. Тифанъ учинилъ сіе, по моему повелѣнію, говорилъ старый полководецъ. . . . Я сражался подлѣ его, говорилъ младый военачальникъ. . . . мы имѣли Тифана вождемъ, говорили рядовые воины, . . . и никто не думалъ сдѣлать себѣ болѣе чести, какъ быть въ состояніи похвалиться учиненіемъ чего нибудь

чрезъ

чрезъ Тифана, или съ Тифаномъ, или подъ властію Тифана.

Знаешъ ли ты Данишемендъ, сказалъ Султанъ, что твой Тифанъ начинаетъ мнѣ нравиться? Хотя отъ часу болѣе кажется, что онъ ни что иное, какъ выдуманный герой политическаго романа. Но клянусь брадою пророка! Что не можно не желать, чтобы употребить по крайней мѣрѣ тритцать лѣтъ на учиненіе столь прекрасныя выдумки дѣйствительною!

Шах-Жебалъ никогда не говаривалъ ничего такого, чтобы лучше заслуживало прекрасныя учтивости съ стороны общества. Данишемендъ, который въ подобныхъ случаяхъ не былъ скупъ, простеръ, посредствомъ обыкновенныя теплоты сердца своего, слово почти весьма далеко. Но Шах-Жебалъ изъяснился въ томъ такимъ образомъ, который, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ очахъ дѣлаетъ его достойнымъ истиннаго почтенія. Я бы же-

желалъ, сказалъ онъ, быть столько совершенъ, чтобъ какъ тебѣ, такъ и другимъ льстецамъ, было не возможно говорить обо мнѣ съ лишкомъ много добра. Но будь увѣренъ, что я самъ себя не обморачиваю. Я вѣдаю, что въ ономъ заключается; безполезно болѣе о томъ говорить. На чемъ мы Данишемендъ, остановились?

Мы остановились на томъ, что, по дѣйствительному состоянію обстоятельствъ должно быть необходимымъ слѣдствіемъ Тифановыхъ рѣдкихъ достоинствъ. На той сторонѣ, къ коей присоединилось все, что чувствовало еще въ себѣ искру честности и любви къ отечеству, толь знатно Тифанъ отличился, что достигъ въ весьма короткое время, постепенно достоинства военачальника; и понеже тотъ, который до тѣхъ поръ былъ душею стороны, потерялъ на сраженіи жизнь, то онъ опредѣленъ былъ на его мѣсто по единодушному согласію, и не имѣя ни единаго соперника.

Сколь

Сколь ни велики были преимущества Тифановы, однако должно согласиться, что всѣ наружныя обстоятельства благопріятствовали ему весьма рѣдкимъ образомъ. Щастіе, казалось, оставило изъ любви къ нему обыкновенное свое непостоянство, дабы открыть ему путь во всѣхъ его предпріятіяхъ, удалить отъ него всѣ противные случаи, и приводить тѣ, которые могли способствовать къ его возвышенію. Однако все учиненное сею богинею, которая для него единаго была несвоенравна, не могло тому воспрепятствовать, что бы слѣдствіе не показалось больше естественнымъ плодомъ его добродѣтели, нежели даромъ нечаянности. Нашъ герой нетокмо самъ былъ добродѣтеленъ; онъ имѣлъ даръ дѣлать такими и окружающихъ его. Что производило въ *благороднѣйшихъ душахъ согласное привлеченіе и глубокое чувствованіе небесныхъ добродѣтелей, которыя казались въ него собравши-*

шимися, то было возбуждено въ душахъ не столь чувствительныхъ *желанїемъ заслужить его одобренїе*, и тою ревностїю, которая становится похвальною страстїю, какъ скоро имѣетъ она цѣлїю добродѣтель. Взоръ его, единое его имя приводило друзей его и собесѣдниковъ въ нѣкоторый родъ возторга. Предводительствуемые Тифаномъ, почитали себя болѣе обыкновенныхъ человѣковъ . . . они были и въ са́момъ дѣлѣ такїе. Краснорѣчїе его приводило то къ окончанїю, что начиналъ его примѣръ. Шешїане, . . . подобно найденному младенцу, почитавшемуся долгое время за презрѣнное извержение естества, признанъ бываетъ противу всякаго чаянія, отцемъ благороднымъ и нѣжнымъ . . . восчувствовали снова благоденствїе имѣть отечество; души ихъ воспламенѣли при сей мысли; всякъ забывалъ самого себя, что бы чувствовать свое бытїе токмо въ отечествѣ, и непримѣтно терялъ всякое

кое о томъ понятіе, чтобъ сдѣлаться иначе благополучнымъ, нежели чрезъ всеобщее щастіе.

Тифанъ возбуждая паки таким образомъ Шешіанцевъ къ чувствію добродѣтели, явился дѣйствительно производящимъ нѣкоторый родъ чудотворенія; ибо что иное сіе было, какъ возвратить жизнь государственному тѣлу? Сіе составляло основаніе всего прочаго, что онъ учинилъ потомъ для народнаго блага; безъ сего пропали бы всѣ его труды. Но съ того времени, какъ ему удалось оживотворить своихъ согражданъ любовію къ отечеству, то прочее какъ бы само собою происходило. Число благоусердствующихъ всякій день умножалось; большая часть тѣхъ, которые весьма долгое время носили въ нѣдрѣ своемъ ядъ развращенныхъ нравовъ, такъ что едва можно было надѣяться ихъ исцѣленія, погибли въ пламени междоусобныя брани. Начальники противныхъ сторонъ нашли себя весьма слабыми,

что бы долѣе противиться народу, который мало по малу былъ соединенъ и оживленъ разумомъ Тифана; они избрали путь тайныхъ сообщенiй, и соединились наконецъ съ городами и остаткомъ дворянства, для оставленiя великихъ дѣлъ государства на рѣшенiе всеобщаго народнаго собранiя.

Ченгисъ *толь искусно все предуготовилъ, что ковосплетенiю не осталось времени продолжать тайныхъ своихъ умышленiй.* Сеймъ собранъ былъ вскорѣ; други отечества составляли наивеличайшее число; и **Тифанъ**, царствующiй ужѐ издавна надъ ихъ сердцами, былъ объявленъ гласомъ всѣхъ согражданъ достойнѣйшимъ управлять тѣмъ народомъ, который обязанъ ему былъ своимъ сохраненiемъ. **Въ** избыткѣ веселiя, который подавалъ ему къ лучшимъ временамъ надежду, невесьма за великое дѣло почелъ онъ, ввергнуться въ объятiя своего избавителя, не возлагая на него никакого условiя.

Чен-

Ченгису поручено было возвѣстить ему, при всемъ государственныхъ чиновъ собраніи, о желаніи народномъ. Сей почтенный старецъ почелъ, что сіе была та минута, въ которую надлежало открыть всенародно свою тайну. Всеобщая довѣренность, имъ къ себѣ пріобрѣтенная, великое мнѣніе, кое имѣли о его честности, тотъ гласъ истинны, съ которымъ онъ говорилъ, отеческія слёзы, ліющіяся по почтеннымъ ланитамъ его, когда онъ говорилъ о жертвѣ, учиненной изъ собственнаго своего сына, все сіе совершенно прогнало сомнѣнія. Народъ былъ въ изступленіи, нашедъ въ предметѣ своея любви сына того Государя, коего почиталъ онъ память. Многіе изъ знавшихъ Темора, находили въ Тифанѣ собственныя черты отца его, и что казалось въ семъ дѣлѣ чудеснымъ, учинило, что всѣ вскорѣ убѣждены были. Чувствовали, что божество, бдящее о сохраненіи Шешіана, распо-

положило такимъ образомъ произшествія, что въ то время, когда народъ думалъ выбрать себѣ въ начальники наилучшаго изъ подданныхъ, жребій палъ, не вѣдая, на самого того, котораго порода призывала къ престолу.

Такимъ образомъ Тифанъ въ щастливѣйшій день, который токмо нѣкогда видѣлъ Шешіанъ, объявленъ былъ Султаномъ при радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа, осыпающаго его благословеніями. Ченгисъ, возвѣстившій ему его избраніе, учинилъ оное такимъ образомъ, что исторгнулъ слезы изъ очей никогда еще не плакивавшихъ. Наконецъ пришелъ, вскричалъ онъ, тотъ щастливый день, тотъ торжественный день, который награждаетъ меня за труды мои, за попеченія толикихъ лѣтъ, за величайшую жертву, которую токмо можетъ отецъ когда нибудь сдѣлать изъ любви къ своему Государю! О Тифанъ! О ты, коего при-

принужденъ я былъ искупить жизнь цѣною крови единаго моего сына, зри въ полуугасшихъ очахъ моихъ сіи слезы веселія и нѣжности! Я его узрѣлъ, сей великій день, онъ единъ стоитъ мученія мною въ житіи понесеннаго! Вижу твою добродѣтель цѣлымъ признанную народомъ, увѣнчанную безпредѣльною довѣренностію, награжденную божественнѣйшимъ даромъ, котораго токмо можетъ нѣкогда надѣяться смертный, полною властію дѣлать добро. О Тифанъ! Я престаю быть твоимъ отцемъ, дабы быть первымъ изъ твоихъ подданныхъ въ любви и вѣрности. Я знаю твое великое, твое благодѣтельствующее сердце! Какія наставленія можетъ тебѣ подать мудрость, которыя бы сама природа не начертала десницею своею на твоемъ сердцѣ! Но, о Тифанъ, дражайшій и лучшій изъ человѣковъ! Какъ могу я позабыть, что со всѣми твоими добродѣтелями, со всѣми твоими преимуществами,

ми, ты ничто иное есть, какъ только человѣкъ, подверженный слабостямъ и нуждамъ, заблужденіямъ и страстямъ, какъ и наималѣйшій изъ твоихъ подданныхъ? О есть ли бы могъ ты привести у насъ все сіе въ забвеніе множествомъ благихъ твоихъ дѣлъ и непомраченнымъ сіяніемъ жизни, посвященныя добродѣтели! О есть ли бы могли мы всегда признавать въ тебѣ видимый образъ мудраго и благотворительнаго божества! Тогда то бы мы, будучи принуждены думать, что ты смертный, возчувствовали съ трепетомъ, что ты менѣе божества. Но, о Тифанъ! . . . есть ли нѣкогда. . . . небо! учини, да затворятся навсегда очи мои при наступленіи сего плачевнаго дня. . . . есть ли нѣкогда, о Тифанъ, душа твоя забудетъ собственное свое достоинство и достославныя свои должности, дабы пуститься въ поносную страсть, или несправедливое дѣйствіе, то, о

сынъ

сынъ друга моего Царя, о сынъ мой, да возможетъ тогда воспоминанiе о твоемъ Ченгисѣ, подобно рукѣ спасительнаго духа, восхитить тебя со края стремнины! Да тогда. . . но нѣтъ, Тифанъ, никогда, никогда. . . клянусь въ томъ добродѣтелiю, къ которой я тебя предуготовилъ, никогда не придетъ сей ужасный часъ, въ который образъ Ченгиса, орошеннаго кровiю единаго своего сына, убѣгающаго отъ стѣнъ Шешiана, покрытаго страшнымъ мракомъ нощи, носящаго тебя на трепещущихъ рукахъ своихъ, въ который сей ужасный образъ былъ бы тебѣ потребенъ, для возвращенiя къ добродѣтели отца своего народа и наилучшаго изъ Государей. Нѣтъ! щастливѣйшiя предчувствованiя, прелестнѣйшiй видъ представляется спокойной душѣ моей. Каждый день царскiя твоея жизни, ознаменованный благословенiями твоего народа и моими радостными слезами, возсылать будетъ

къ небесамъ благія тѣ дѣйствія, коими ты его исполнишъ, для повѣрженія ихъ къ стопамъ Царя Царей. Я, . . . сіе Шешіанское шляхетство, сопричастники славы твоея и сотрудники твои въ великомъ дѣлѣ учиненія народа твоего блаженнымъ, . . . сей безчисленный народъ, отдавшій въ руки твои свое благоденствіе, мы почтемъ себя блаженными, что жили въ твое царствованіе. Наконецъ, обращая взоры на щастливое мое отечество и на тебя, которые будутъ мнѣ наградою, сомкнутся нѣкогда очи старца Ченгиса.

Торжественное молчаніе содержало все собраніе какъ бы во узахъ, и слезы блистали во всѣхъ очахъ, устремленныхъ на Ченгиса и Тифана. Новый Государь побѣжденный въ сіе мгновеніе стремленіемъ своихъ чувствій, повергся на землю съ простертыми руками. Устремленныя его къ небесамъ очи выражали силу колеблющихъ его движеній.

женій. Услыши меня, вскричалъ онъ въ сильнѣйшемъ движеніи души, услыши меня Всемогущій зиждитель естества! Есть ли нѣкогда. . . . здѣсь остановился онъ, какъ бы великая его душа отъ внезапнаго въ себя возвращенія почувствовала, что непристойно Государю оказывать въ глазахъ своего народа толь сильное, хотя и добродѣтельное, движеніе, которымъ сердце его было терзаемо. Умолкъ вдругъ. . . . но видно было въ очахъ его, что духъ его отягощаемъ былъ великими чувствованіями. Собраніе ожидало всегда чего нибудь въ молчаніи. Наконецъ Тифанъ собралъ свои силы; всталъ со всѣмъ достоинствомъ Государя, чувствующаго великость бремени недавно имъ пріятаго, кинулъ на народъ свой важный, но исполненный благости взоръ, и сказалъ: Чувствованія, пронзающія сердце мое въ сей торжественный часъ суть сильнѣе, нежели, чтобъ можно было изобразить ихъ словами. Въ самое сіе рѣши-

тельное мгновеніе, когда вы, бывши моими братіями, и ставши дѣтьми моими, признали меня своимЪ ГосударемЪ, вЪ сіе мгновеніе невидимый Владыка неба и земли препоручилЪ мнѣ стараться о томЪ, чтобЪ законы его между вами были исполняемы. Сіе есть то мгновеніе, вЪ которое я вЪ гласѣ вашемЪ слышу . . . . *гласЪ Божій.* Ему долженЪ буду я отнынѣ отдавать отвѣтЪ во власти, врученной имЪ мнѣ чрезЪ васЪ. ОбязанЪ я содержать каждаго изЪ васЪ вЪ наслажденіи священными правами человѣчества и гражданскаго общества; но я долженЪ также побуждать каждаго изЪ васЪ кЪ исполненію своихЪ должностей. Вѣдаю и чувствую всю важность моего сана, и посвящаю нынѣ, предЪ лицемЪ неба и земли, всѣ силы жизни моея исполненію великихЪ сихЪ обязательствЪ. Потребны божескія силы, дабы мнѣ исполнить оныя во всемЪ ихЪ пространствѣ, а я только человѣкЪ. . . БезЪ

вашего содѣйствія, безъ взаимныхъ стараній, которыя должны вы прилагать, дабы каждый изъ васъ наблюдалъ частныя состоянія своего должности и спомоществовалъ мнѣ въ доставленіи всеобщаго благоденствія, мои труды будутъ безплодны. Напрасно бы я сталъ изнурять себя всегдашними попеченіями о содѣланіи вашего блаженства, есть ли вы не будете столь твердо увѣрены о сей великой истиннѣ, какъ я самъ: ,, Что безъ любви къ отечеству, ,, безъ повиновенія законамъ, безъ ,, всегдашняго прилѣжанія къ исполне-,, нію должностей нашего состоянія, ,, безъ умѣренности въ желаніяхъ ,, и страстяхъ нашихъ, словомъ, ,, безъ добродѣтели и добронравія, ,, нѣтъ возможнаго щастія ,,. Первое мое и важнѣйщее упражненіе будетъ учинить васъ и дѣтей вашихъ добродѣтельными людьми и добрыми гражданами. Примѣръ мой убѣдитъ васъ, что Государь вашъ есть первый гражданинъ Шешіанскій.

довѣренность, которую возлагаете вы на мою добродѣтель, вручила мнѣ власть столь же безпредѣльную, какъ и та, которую имѣли Государи мои предшественники; но я знаю лучше человѣчество, нежели, что могъ сію опасную власть употреблять къ чему либо иному, какъ къ положенію самому себѣ и моимъ преемникамъ предѣловъ, нужныхъ для всеобщія нашея безопасности. Наилучшій изъ Государей можетъ забыть свои должности, и цѣлый народъ можетъ не знать истиннаго своего блага. Худо бы я исполнилъ долгъ моего о васъ раченія, есть ли бы отнялъ у вашихъ Государей ту власть, которая принадлежитъ отцу надъ малыми дѣтьми его Но съ перваго мгновенія моего надъ вами владычества забылъ бы я, что я человѣкъ, есть ли бы не сталъ помышлять, сколько возможно, о способахъ отнять какъ у самого себя, такъ и у моихъ преемниковъ волю злотворенія. Мудрое опре-

определѣнie государственнаго правленiя и такое законоположенie, кое имѣть будетъ предметомъ утвержденie тишины, порядка и всенароднаго блага въ семъ государствѣ, будетъ единое употребленie, кое сдѣлаю я изъ сея вышнiя власти, вами мнѣ врученныя. И о семъ самомъ буду я совѣтоваться съ мудрѣйшими и способнѣйшими мужами. Такъ, я самъ, ободренный владѣющими въ сердцѣ моемъ чувствованiями, дерзаю надѣяться, любезный Чингисъ, что старанiя, прiятыя тобою учинить меня добродѣтельнымъ, что та жертва, коею ты искупилъ жизнь мою, не будетъ утрачена. Да прекратится жизнь сiя, посвященная отечеству, въ ту самую минуту, когда я буду столько нещастливъ, дабы извлечь, безъ справедливыя причины, воздыханie отъ наималѣйшаго изъ моихъ подданныхъ!

Данишемендъ, вскричалъ Шахжебалъ, сего довольно для сея ночи! Твои люди говорятъ нехудо; но

при всемъ томъ, я бы лучше хотѣлъ слышать, что сдѣлалъ Тифанъ, нежели что сказалъ.

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, всякъ кто говоритъ такъ, какъ Тифанъ, обязуется дѣлать много.

Посмотримъ, сказалъ Султанъ.

IX.

По всему сказанному мною о Царѣ Тифанѣ, должно надѣяться отъ него великихъ дѣйствій. Однако я долженъ признаться, и сіе лучше учинить при вступленіи, что Тифанъ былъ великій государь, но онъ думалъ иное и поступалъ совсѣмъ другимъ образомъ, нежели Сезострисы, Александры, Цезари, Омары, Махмуд-Гасни, Ченгис-Ханы и другіе герои и завоеватели, подъ коихъ величіемъ свѣтъ находился подобно сокрушенному. Величіе Тифаново было

ве-

величіе тихое, и дѣйствія его подобны дѣйствіямъ божескимъ, который, будучи невидимъ и тихъ, наводитъ на насъ незапныя дѣйствія, но мы не видимъ производящихъ оныя силъ.

Дѣйствія Тифановы имѣли еще другое свойство, кое имъ было съ дѣйствіями природы общее. Онѣ открывалися тихо и достигали совершенства своего толь нечувствительною связью безчисленныхъ способовъ, стекающихся къ единому концу, что надлежало имѣть проницательнѣе обыкновеннаго око, дабы усмотрѣть разумъ, всемъ повелѣвающій и управляющій, и руку, приводящую въ первое движеніе. Съ легкимъ вниманіемъ подумали бы, что дѣлалось само собою, или по крайней мѣрѣ, не усмотрѣли бы, коликаго стоило труда подать движеніямъ великаго государства толико легкости и толь прекрасное согласіе.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

Первое дѣло, которымъ Тифанъ обязался, было точнѣйшее утвержденіе государственнаго учрежденія.

Изрядно! вскричалъ Шах-Жебалъ, я, по справедливости сего отъ него и ожидаю. Я еще весьма хорошо то помню, что онъ у тебя о семъ говорилъ вчера. Онъ не хочетъ лишить себя тоя власти, которая принадлежитъ отцу надъ его малолѣтными дѣтьми . . . . но онъ хочетъ, сколько возможно, меньше имѣть воли дѣлать зло. Я еще прямо не понимаю, чего онъ хочетъ, или не хочетъ. Я не разумѣю, какимъ образомъ Государь можетъ быть независимъ и имѣть вольность дѣлать все то благо, которое хочетъ, не сохраняя плачевныя вольности дѣлать зло.

Можетъ быть то, что я скажу въ послѣдствіи, рѣшитъ сомнѣнія Вашего Величества, отвѣчалъ Данишемендъ. Тифанъ во всемъ семъ слѣдовалъ совѣту мудраго Ченгиса. Безъ него, излишнимъ не-

недовѣреніемъ къ самому себѣ и своимъ преемникамъ, Тифанъ учинилъ бы наивеличайшій проступокъ, который токмо Монархъ можетъ сдѣлать; ибо онъ намѣренъ былъ оставить навсегда *шляхетству и народу Шешіанскому власть законодательную*. Да сохранитъ насъ небо, сказалъ ему Ченгисъ, когда они о семъ дѣлѣ между собою разговаривали, что бы Тифанъ сдѣлалъ изъ правленія своего отечества чудное смѣшеніе Монархіи и Демократіи, которое стараясь быть обѣими, есть ни то ни другое. Шешіанскій народъ долженъ почитать Государя своимъ *отцемъ*, а самого себя въ разсужденіи его *младенцомъ*. Когда же онъ желаетъ быть болѣе, желаетъ имѣть право ограничить Государя, предписать ему и правленію законы и производить самъ наиважнѣйшія свои дѣла; то не должно ему поставлять себѣ Государя. Кто можетъ управлять собою самъ,

тотъ

помъ не имѣетъ нужды ни въ надзирателѣ, ни въ наставникѣ. Когдажъ напротивъ того признаетъ онъ Государя отцемъ своимъ и почитаетъ себя меньше его; то какое было бы безуміе желать оставить на его произволѣніе нужнѣйшую часть управленія? Какая глупость оставаться на мудрости или щастіи сихъ *недорослей*, дабы видѣть, какимъ законамъ восхотятъ они повиноваться, подъ какими условіями, и сколько времени? И такъ довлѣетъ токмо Государю быть въ одно время законоположникомъ и исполнителемъ законовъ. Правленіе одного человѣка приближается по существу своему къ Ѳеократіи, управляющей сіе все неизмѣримое *цѣлое*. *Богъ*, говоря собственно, *есть единъ изъ всѣхъ существъ законоположникъ*, и одно мнѣніе желать давать такіе законы, которые не проистекаютъ изъ его законовъ, или съ оными не сходствуютъ, было бы высочайшимъ степенемъ неразумія и не-

нечестія. Естество и собственное наше сердце суть яко скрижали, на коихъ начерталъ Богъ непремѣняемые законы свои неизгладимыми чертами. Владычествующій, разсуждаемый яко законоположникъ, не имѣетъ другаго дѣла, есть ли желаетъ быть достоинъ носить по праву сіе достопочтенное имя, какъ токмо испытывать, такъ сказать, волю всевышняго законоположника, и выводить оттуда всѣ *правила*, по которымъ наилучше можно будетъ достигнуть божескихъ намѣреній, *благоустроенія и совершенства* съ щастливыми ихъ плодами, *согласіемъ и всенароднымъ благоденствіемъ*.

Есть ли къ высочайшимъ симъ изысканіямъ присовокуплено будетъ особенное испытаніе собственнаго своего народа, сложенія, положенія, нуждъ его, наконецъ вещественнаго и нравственнаго его состоянія, то ему весьма удобно будетъ сыскать способы къ достиженію сего великаго

кон-

конца . . . къ коему единаго человѣка блаженство, благо каждаго *народа*, выгоды *рода* человѣческаго; и благо всеобщее *цѣлаго* стекаются яко къ своему средоточію . . . . способность къ исполненію всѣхъ сихъ дѣлъ удобнѣе можно найти въ одномъ человѣкѣ, нежели въ цѣломъ народѣ, или въ великомъ числѣ избранныхъ людей; и по сему самому пристойнѣе оставлять единому Государю власть законодательную.

Но чтобы такое было, сказалъ Шах-Жебалъ, есть ли бы между Тифановыми преемниками нашелся новый Азоръ или другій Исфандіаръ?

Безспорно отвѣчалъ Данишемендъ, что власть законодательная въ рукахъ ребенка, или безумнаго, есть страшное зло. Но можно предварить сіе неустройство, по мнѣнію Ченгисову, двумя довольными способами; именно, ненарушимостію законоположенія единожды утвержденнаго и нѣкоторыми установленіями, относящимися до воспи-

танія

шанія ПринцевЪ Царскаго дома, которыя составляли существенную часть Тифанова уложенія.

ВЪ слѣдствіе сихЪ положеній, вскорѣ по вступленіи ТифановомЪ вЪ правленіе, увидѣли Государево объявленіе, содержащее вЪ себѣ слѣдующее:

1) Понеже законоположеніе, согласующееся сЪ непремѣнными и благотворящими намѣреніями Содѣтеля естества, должно служить ненарушимымЪ правиломЪ какЪ Государю, такЪ и его подданнымЪ: то Царь учинитЪ первоначальное свое дѣло, сЪ помощію тѣхЪ, коихЪ признаетЪ самый народЪ разумнѣйшими и лучшими, сочиня уложеніе, вЪ которомЪ утверждены будутЪ сЪ великою точностію *права и должности Государя, народа и всякаго гражданскаго чина по особливости*. ВЪ нихЪ также постановлены будутЪ всѣ тѣ распоряженія, которыя по нынѣшнему состоянію государства судимы будутЪ способнѣйшими кЪ содѣла-

нію

нію его возстановленія и благоденствія, дабы они были явны и всѣмъ извѣстны.

2) Сіе всеобщее уложеніе должно быть сочинено на *Шешіанскомъ языкѣ*, съ такою ясностію, чтобы обыкновеннаго степени человѣческаго разума и опытности довольно было къ его уразумѣнію. Однако поступлено будетъ такъ, чтобы сіе уложеніе составляло впредь нетокмо главный предметъ всенароднаго воспитанія, но оно должно также быть изъясняемо и повтореніемъ внушаемо народу въ нѣкоторые назначенные дни священниками каждаго мѣста.

3) Нетокмо дворянство, духовенство и другіе обитатели Шешіана, но также Государь и его преемники должны будутъ клясться, что они сохранятъ ненарушимо сіе уложеніе во всѣхъ его статьяхъ, что никогда не учинятъ ничего тому противнаго, что въономъ содержится, и что не будутъ того

то терпѣть, сколько имъ будетъ возможно, что бы кто нибудь могъ преступить оное. Сія непоколебимость должна быть всеобшимъ и неизгладимымъ знакомъ всѣхъ законовъ, содержимыхъ въ книгѣ *должностей и правъ*; выключаются токмо законы благоучрежденія и политическія экономіи, которые по силѣ своего отношенія къ незапнымъ случаямъ, и перемѣнѣ подверженнымъ обстоятельствамъ должны подлежать произволенію Государя и совѣта правительства; однако съ явнымъ опредѣленіемъ, что бы тѣ отмѣны, которыя дворъ когда нибудь за благо разсудитъ учинить въ помянутыхъ законахъ, не были никогда никоимъ образомъ противны первоначальнымъ основаніямъ *книги правъ и должностей*.

4) Но понеже можетъ случиться, что судебныя мѣста, которымъ Государь обязанъ ввѣрять часть великія своея должности сохранять и исполнять законы, вознерадятъ объ

 от-

отправленіи своего званія, или поступятъ умышленно и самовольно противнымъ образомъ. Понеже могутъ также найтися обстоятельства, при которыхъ какій нибудь городъ или какая нибудь земля или провинція имѣла бы нужду въ особенномъ вниманіи законодателя, то будетъ всякія пять лѣтъ, въ каждой Шешіанской провинціи, отправленіе изъ дворянства, духовенства и народа, учиненное изъ опредѣленнаго числа по волѣ избранныхъ особъ въ сихъ трехъ чинахъ, и которое собираться будетъ въ столичномъ городѣ провинціи, для разсматриванія народныхъ жалобъ вообще и каждаго чина во особливости, и для донесенія ихъ потомъ Государю письменно подъ именемъ провинціи. Ежели случится, противу всякаго чаянія, что Государь не сдѣлаетъ никакого уваженія ко всенароднымъ жалобамъ, или не употребитъ скорѣйшихъ способовъ къ удовольствованію ихъ, то собраніе правительства будетъ

детъ имѣть власть напомнить ему показаннымъ образомъ о уложеніи для случаевъ сего свойства.

5) Всякое учрежденіе царскаго намѣстника, или и самого Государя, прежде нежели возымѣетъ силу закона, будетъ строго разсмотрено и сличено предсѣдателями чиновъ провинціи съ книгою правъ и должностей. Когда найдено будетъ, что новое учрежденіе несогласно съ закономъ, то повелѣно предсѣдателямъ, *подъ наказаніемъ важныя измѣны противъ государства*, увѣдомить о томъ намѣстника, или самого Государя, означая причины ихъ несоизволенія. Въ случаѣ же, есть ли дворъ будетъ утверждать законность своего учрежденія: то предсѣдатели обязаны будутъ сдѣлать собраніе чиновъ. И есть ли три четверти голосовъ признаютъ, что сопротивленіе предсѣдателей основательно и согласно съ законами, то они сдѣлаютъ двору надлежащее представленіе.

Ваше Величество легко себѣ можете представить, продолжалъ Данишемендъ, сколь народъ долженствовалъ быть доволенъ симъ объявленіемъ новаго своего Государя, который явно показывалъ, что ему ничто столько неугодно, какъ привести самого себя и своихъ преемниковъ въ невозможность *дѣлать зло, или управлять единственно по произволенію.*

Безъ сомнѣнія, сказалъ Шахжебалъ, я то весьма легко себѣ представляю и чувствую, что я лучше бы захотѣлъ, *какъ Государь зеленыхъ земель и* его *племянникъ,* быть струсомъ или индѣйскимъ пѣтухомъ, нежели Султаномъ, ежели бы я долженъ былъ всякую минуту спорить съ моими подданными, дабы знать, кто изъ насъ правъ.

Сіе было бы безъ сомнѣнія состояніе равно нещастное для Государя и его народа отвѣчалъ Данишемендъ. Но по крайней мѣрѣ Тифанъ никогда не находился въ семъ случаѣ.

Сіе

Сіе происходило по видимому отъ того, что онъ рожденъ былъ подъ особливо щасливою звѣздою, сказалъ Султанъ. Ибо обыкновенно народъ, какъ скоро имѣетъ право противорѣчить своему владѣтелю, то имѣетъ привычку употреблять сіе позволеніе съ такою кичливостію, и утверждать толь долгое время свою глупость, что порядокъ наконецъ превращается. . . . Владѣтель бываетъ управляемъ, а вѣрнѣйшіе подданные его становятся Государями.

Однако я думалъ, сказалъ Данишемендъ, что исторія представляетъ намъ гораздо меньше такихъ примѣровъ, гдѣ бы народъ употреблялъ во зло толь грубо свое право, чтобъ сказать *нѣтъ* при учрежденіяхъ противныхъ законамъ, нежели тѣхъ, гдѣ Государи, коимъ никто не дерзалъ противорѣчить, дѣлали такія учрежденія.

Господинъ Данишемендъ! Вскричалъ Султанъ и паки замолчалъ.

Какъ бы то ни было, продолжалъ весьма спокойно Философъ, въ царствованіе Тифана, которое продолжалось неменьше пятидесяти лѣтъ, едва случилось то два или три раза, что государственные чины разсудили за благо сдѣлать Государю такое представленіе. Всякій же разъ касалось токмо до тѣхъ перемѣнъ, о которыхъ не должно было совѣтовать въ особенныхъ обстоятельствахъ тоя провинціи, гдѣ оныя надлежало учинить. Тифанъ будучи увѣдомленъ, что предложенное исправленіе можетъ причинить вредъ, оставлялъ свое учрежденіе, а предсѣдатели получали благодарительное письмо, писанное собственною рукою Государя.

Ты мнѣ сдѣлаешь удовольствіе, сказалъ Шах-Жебалъ, есть ли возможешь доставить мнѣ съ сего письма списокъ.

Данишемендъ обѣщалъ о томъ всѣми силами стараться, потомъ продолжалъ: Сіе щастливое *согласіе*

меж-

между Тифаномъ и его народомъ было столь же плодомъ превосходнаго правленія сего Государя, какъ и тѣхъ мудрыхъ *законовъ*, на которыхъ онъ основалъ оное. Шешіанцы были ни сговорчивѣе, ни лучше другихъ народовъ въ свѣтѣ. Они находились въ толь глубокой безднѣ развращенія, что по видимому, одно токмо чудо могло ихъ снова учинить обходительными людьми и добрыми гражданами. Хотя Тифанъ и учинилъ ихъ лучшими, но дѣйствія нравственнаго яда, коимъ вся обширность государства была столь долго заражена, показывались еще повсюду. Преемникъ Тифановъ имѣлъ въ разсужденіи сего великую выгоду. Мало стоитъ труда управлять такимъ народомъ, коего нравы честны, пріобучены къ доброму порядку, и оживлены во время полувѣка разумомъ мудраго и добраго Государя. Потребно токмо удерживать законы, кои отъ воспитанія сдѣлались нѣкоторымъ обра-

разомЪ другимЪ естествомЪ. Но ТифанЪ, которому никто не отворилЪ пути, который нашелЪ государство вЪ крайнемЪ неустройствѢ, которому предлежало исправить толь многія и толь великія злоупотребленія, которому нетокмо должно было научить дикій народЪ, или вдохнуть нравы вЪ грубыхЪ людей, но котораго необходимость принуждала подать какЪ бы новую кровь и новую жизнь крайне растлѢнному государству, . . . ТифанЪ не могЪ окончать толь великаго дѢла иначе, какЪ токмо такою добродѢтеліею, которая рѢдко бываетЪ жребіемЪ смертнаго. МалѢйшая слабость, малѢйшій порокЪ, который бы вЪ немЪ находился, уничтожилЪ бы совсѢмЪ его предпріятіе.

Но природа, воспитаніе и твердое намѢреніе исполнить всѢ свои должности вЪ наивозможнѢйшемЪ совершенствѢ, соединились вЪ немЪ, для предохраненія его отЪ обыкновенныхЪ слабостей и излишествЪ большія

шія части особъ его достоинства. Онъ обязанъ былъ природѣ тѣмъ сердцемъ, которое полагало величайшее свое удовольствіе въ благотвореніи и дружествѣ, а воспитанію своему неоцѣненною выгодою имѣть мало нуждъ. Трезвость, умѣренность и всегдашняя привычка къ полезному упражненію представляли ему забавами тѣ труды, которые другихъ Государей привели бы въ трепетъ. Увеселенія его были единыя отдохновенія послѣ трудовъ. Онъ искалъ ихъ между музами (*), или

(*) Здѣсь предувѣдомляется въ угодность критикамъ, что мудрый Данишемендъ, по видимому, употребилъ въ своемъ языкѣ другое выраженіе. Но Нѣмецкій издатель лучше захотѣлъ въ семъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ нарушить *костюмъ* (способъ писанія), нежели позволить Данишеменду, который могъ бы быть читанъ и Нѣмцами, тронуть ихъ мозгъ и ихъ языкъ восточными рѣченіями и обращеніями.

въ нѣдрахъ *природы* и въ пріятностяхъ общества *свободнаго и составленнаго дружествомъ*. Мало печаляся о мнѣніи, которое другіе о немъ бы возымѣли, не желая ослѣпить народа великолѣпіемъ и блескомъ, но весьма будучи чувствителенъ къ удовольствію быть *любиму*, не зналъ онъ другаго честолюбія, кромѣ желанія быть *возлюбленнымъ отцемъ щастливаго народа*. Удрученія, труды, бдѣнія не казались ему тягостными, для заслуженія сего изъ всѣхъ прекраснѣйшаго титла.

Къ сему присовокупилось еще такое обстоятельство, безъ котораго наилучшее произволеніе не можетъ защитить добродѣтельнѣйшаго Государя отъ нещастія худаго правленія. Почти всѣ окружающіе Тифана были честные люди, которыхъ разумъ былъ просвѣщенъ, а сердце благородно. Есть ли же бы и лицемѣръ нашелъ способъ вкрасться между ими, то бы онъ принужденъ

денЪ былЪ вести себя толь осторожно, что вредЪ, который бы онЪ могЪ причинить, былЪ бы весьма незначенЪ.

ВотЪ еще обстоятельство особливо щастливое, сказалЪ ШахЖебалЪ. Легко было можно твоему Тифану быть всѣмЪ тѣмЪ, чѣмЪ ты хочешь. Кажется вся природа соединилась кЪ пользѣ его славы.

МожетЪ быть, можно бы было утверждать, отвѣчалЪ честный ДанишемендЪ, что нѣкоторые Государи были вЪ семЪ случаѣ больше щастливы, нежели разумны. Найдено, кЪ ихЪ собственному и подданныхЪ ихЪ щастію, что они имѣли, по большей части, людей честныхЪ; ибо по тому, какЪ они ихЪ принимали, могли бы также легко найти противное. Но можно сказать о Тифанѣ, что надлежало бы ему быть особливо нещастну, есть ли бы ему и правительству нехорошо служили. ОнЪ былЪ весьма осмотрителенЪ вЪ выборѣ людей своихЪ и зналЪ лучше

цѣну

цѣну ихъ, нежели чтобъ могъ быть легко обманутъ; онъ весьма владѣлъ самъ собою, дабы не допустить себя прельститься наружнымъ видомъ; и весьма довольно вѣдалъ, какое свойство и какія добродѣтели требуются каждою должностію, дабы не впасть въ порокъ толь многихъ Государей, которые съ наилучшими подданными, не могутъ ничего дѣлать, единственно для того, „что не умѣютъ при„ставить ихъ къ надлежащимъ мѣ„стамъ„.

Слабые или развращенные правители заслуживаютъ обыкновенный свой жребій, то есть, быть окружены извергами человѣческаго рода. Цѣломудренное достоинство содержитъ себя въ отдаленіи; оно презираетъ происки, или тайныя хитрости тѣхъ, кои учащаютъ дворъ царскій единственно для содѣланія своего щастія: оно желаетъ быть приглашено. Но какимъ образомъ слабый Государь можетъ узнать оное? Тѣмъ хуже, есть

есть ли сей Государь развращенъ. Первый токмо не различаетъ добродѣтели; предъ послѣднимъ должна она *скрыпаться*; въ очахъ того *не* бываетъ она *достоинствомъ*, понеже онъ ее не вѣдаетъ; сей почитаетъ ее *преступленіемъ*, потому что онъ ее *весьма довольно вѣдаетъ*.

Тифаново свойство, положенія его, добродѣтели его, прелестныя его поступки привлекли къ себѣ мало по малу, подобно магнитной силѣ, людей добродѣтельныхъ и просвѣщенныхъ въ Шешіанѣ, то есть тѣхъ, кои на него походили. Никакая заслуга, никакое дарованіе отъ него не было сокрыто; онъ былъ весьма проницателенъ, дабы ихъ *найти*, и желаніе быть знаему толь превосходнымъ Государемъ, избавляло его отъ труда *искать* оныхъ. Сверьхъ сего, избѣжалъ онъ, въ разсужденіи тѣхъ, кои ближе къ нему находились, сугубыя погрѣшности, чинимыя обыкновенно многими знатными.

Для

для показанія, что у нихъ нѣтъ любимцевъ, дабы не произвести между своими подаными никакія зависти, дабы доказать совершенное свое безпристрастіе, встрѣчаютъ они одного почти также какъ и другаго, и наивеличайшее дарованіе, важнѣйшая заслуга видитъ себя смѣшенною со множествомъ людей посредственныхъ и тупыхъ. Часто случается, что владѣтель, излишнею *осторожностію*, или предразсужденіемъ, „что подданный, „когда бы онъ и все учинилъ, то у„чинилъ токмо свою должность„, отнимаетъ бодрость у лучшихъ своихъ служителей и у самыхъ честныхъ людей, погашаетъ ихъ усердіе и не получаетъ изъ того по сей причинѣ ни половины тоя пользы, которыя бы онъ и правительство могли отъ нихъ надѣяться. Другіе лишаются еще добрыхъ услугъ достойныхъ мужей по нещастію для того, что, „не знаютъ „цѣны весьма рѣдкихъ дарованій,

„по

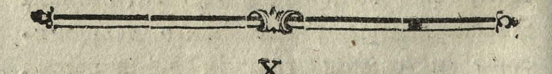
„ по причинѣ малыхъ недостат-
„ ковъ „. Ихъ видятъ всегда въ недовѣреніи, всегда расположенныхъ подозрѣвать во всемъ, что люди дѣлаютъ, *самыя подлыя побудительныя причины*. . . Они имѣютъ обыкновеніе *присматривать* за своими людьми въ вещахъ самомалѣйшія важности, не признавать въ нихъ никакія заслуги, развѣ когда токмо къ тому бываютъ принужденны, и когда не возможно никакъ тому противорѣчить, что они учинили. Во всѣхъ сихъ разсужденіяхъ Тифанъ заслуживалъ, что бы всѣ Государи брали съ него примѣръ. Неутомимое его вниманіе, ободрительное его снисхожденіе, склонность его *забывать скорѣе проступки*, *нежели заслуги*. Великое благоразуміе отдавать каждому пристойную честь, употреблять всякаго человѣка къ тому, къ чему имѣлъ онъ наиболѣе способности; справедливость, съ которую онъ доставлялъ всякому свою довѣренность

ность, и прилепленіе, по степени личнаго достоинства его и дѣйствительныхъ заслугъ; стараніе, которое принималъ онъ услаждать, исполненнымъ кротости гласомъ, или обязательнымъ обращеніемъ то, что могло быть въ рѣчи его непріятно; почтеніе, съ которымъ онъ обыкновенно вообще встрѣчалъ находящихся у него во услуженіи, и которымъ обязывалъ ихъ къ заслуживанію своея благосклонности тѣмъ сильнѣе, что онъ былъ весьма строгъ въ наказаніи всѣхъ преступленій, происходившихъ *отъ злаго сердца* или *отъ недостатка чувствительности къ чести и честности*. . . . Всѣ сіи свойства произвели въ разумѣ Тифановыхъ вельможъ почти чудесное дѣйствіе. Никакому Великому Государю не служили честнѣйшіе люди, съ большимъ стараніемъ, раченіемъ и удовольствіемъ, какъ Тифану. Говорили: кто бы не пожелалъ служить толь любезному Государю? Онъ имѣетъ

имѣетъ тайну перемѣнять въ веселія и самыя трудныя должности, и одинъ его взглядъ лучше награждаетъ, нежели богатѣйшія другаго дары. И такъ неудивительно, что Тифаново царствованіе было образъ правленія мудраго и щастливаго; что онъ исполнилъ толь великія дѣла; что Шешіанъ возвысился при немъ отъ самыя нижнія степени бѣдности на верьхъ народнаго благополучія. Все сіе не имѣетъ ничего удивительнаго, потому что ему спомоществовали добродѣтельнѣйшими и способнѣйшими людьми своего времени; потому что не пренебрегъ онъ ни единаго дарованія, не оставилъ никакія заслуги безъ награжденія, и старался внимательно наказывать нерадѣніе и злобу; потому что наполнилъ всѣ важнѣйшія мѣста людьми величайшаго достоинства и самыя великія честности, сколько токмо могъ найти. Словомъ, всѣ силы правительства другъ друга подкрѣпляли и утверждали въ пре-

прекраснѣйшемъ согласіи, и вмѣстѣ стекались ко всеобщему концу общенароднаго блага.

Данишемендъ, сказалъ Султанъ, я никогда не былъ столько тобою доволенъ, какъ нынѣ. Я довольно чувствую, что быть Султаномъ, есть дѣло, въ нѣкоторомъ смыслѣ, весьма невыгодное. Но я не такій Султанъ, что бы я стыдился учася всегда еще чему нибудь. Есть ли хочешь оказать мнѣ услугу, то вели переписать мнѣ въ хорошую книгу золотыми буквами начальныя правила твоего Тифана о выборѣ его служителей и его съ ними поступкѣ. Я даю тебѣ въ томъ мое слово, что она. . . . будетъ всегда лежать у меня возлѣ моея головныя подушки.

X.

Шешіанскій переводчикъ весьма сожалѣетъ, что не могъ найти, не взирая на всѣ возможныя изысканія,

сея

сея книги, писанныя золотыми буквами, которую Данишеменду надлежало приготовить для Султана Жебала. Онъ догадывается, что изъ нея сдѣлали государственную тайну при дворѣ Делійскомъ, или, что конечно еще вѣроятнѣе, что она положена была въ Государственный кабинетъ рѣдкостей, по причинѣ золотыхъ буквъ и хорошаго переплета, и столько же стала безполезна для свѣта, чрезмѣрнымъ къ ней почтеніемъ, какъ бы ее засыпали подъ одну изъ пирамидъ, находящихся близъ великаго Каира. И такъ когда мы не въ состояніи удовольствовать мнимое любопытство нашихъ читателей сообщеніемъ такія книги, которая есть ли не была принесена въ Испагань Тахмасомъ Кулы-Ханомъ, при извѣстномъ разграбленіи Моголова сокровища, находится, можетъ быть, еще спрятана гдѣ нибудь въ углу Императорскія сокровищницы въ Агрѣ; . . . то остается токмо

намъ оставить добраго Данишеменда продолжать свое повѣствованіе о царствованіи Тифана, сколь хорошо онъ можетъ.

Всѣ свѣденія, продолжалъ онъ, сохраненныя отъ цвѣтущихъ временъ Шешіанскаго государства соединяются на изображеніе намъ того состоянія, въ которомъ онъ находился при царствованіи Тифана, какъ щастливѣйшаго, коимъ токмо можетъ народъ нѣкогда наслаждаться. Все то, что древнія басни, или преданія повѣствуютъ намъ о пріятной жизни первыхъ человѣковъ *при владѣніи боговъ*, находилось въ семъ удивленія достойномъ правленіи. Чужестранцы, видѣвшіе Шешіанъ во времена Исфандіаровы и пришедшіе въ оныя опять въ тритцатый годъ царствованія Тифанова едва съ трудомъ могли себя увѣрить, что сіе была та же самая земля и тотъ же народъ. Всѣ провинціи пространнаго сего государства возвѣщали изобиліе; деревни и города избыточествовали жите-

телями трудолюбивыми, благонравными и веселыми; среди сего почти безчисленнаго народа царствовала тишина, безопасность, которая казалась со всеобщественною дѣйственностiю и по всемѣстнымъ внутренним движенiямъ непостижимою. Народъ почиталъ своихъ начальниковъ и любилъ собственное свое состоянiе; дворянство казалось достойнымъ своихъ преимуществъ тѣми добродѣтельми, коими блистало въ глазахъ народа. Судья не растлѣвалъ правосудiя, казначей никогда не кралъ, намѣстникъ не истощалъ провинцiи своея, ученые имѣли. . . . общiй разумъ, купцы. . . . совѣсть, и . . . чему Ваше Величество едва повѣрите. . . . священники. . . . были терпѣливы и человѣколюбивы.

Право, вскричалъ Шах-Жебалъ, естьли сiе сдѣлалось не волшебнымъ искуствомъ, то весьма бы я хотѣлъ знать, какимъ образомъ поступалъ Тифанъ, для произведенiя такихъ превращенiй.

Дѣйствіемъ самымъ простымъ и самымъ естественнымъ, сказалъ Данишемендъ, предполагая, что бы Государь имѣлъ неограниченную власть, проницаніе и доброе Тифаново произволеніе; и такого совѣтника, какъ Ченгисъ .... однимъ словомъ, *добрыми законами*.

Сія высочайшая власть Государскаго сана и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Шешіана, самоважнѣйшая упражняла больше всего прочаго Султана въ первыхъ годахъ его царствованія. Сначала не употреблялъ онъ къ сему ничего инаго, кромѣ помощи стараго своего друга. Ибо сколькобъ ни было безмѣрно дѣло законоположенія для цѣлаго народа, то нѣтъ вещи, о которой бы *стараться съ помощію многихъ умовъ* менѣе приличествовало. Во первыхъ требовалось вѣдать: „должно ли „остаться при *исправленіи* древнихъ „законовъ и обыкновеній государства, „или нужда была въ законоположеніи

„со-

„ *совсѣмъ новомъ*, для достиженія „ общенароднаго благоденствія?„

Ченгисъ былъ послѣдняго мнѣнія. Древнее строеніе, худо сооруженное и почти развалившееся, говорилъ онъ, не должно починивать, надобно его до основанія сломать и построить вновь по лучшему расположенію.

По сему мнѣнію, Тифанъ и Ченгисъ старались о новомъ уложеніи, мною вчера упомянутомъ. И какъ оно приведено было къ окончанію съ помощію избранныхъ людей, которыхъ Тифаново правленіе вывело изъ темноты, то было обнародовано въ третіе лѣто Тифанова царствованія, и понеже Государь нашелъ способъ привлечь на свою сторону знатнѣйщую часть духовенства, то введено оно было безъ малѣйшаго сопротивленія во всѣхъ провинціяхъ государства.

Ты по видимому разумѣешъ подъ духовенствомъ, сказалъ Шах-Жебалъ, только жрецовъ голубыя и огневаго цвѣта обезьяны. Мы знаемъ сихъ господъ; и я все понимаю

прежде, нежели какъ это сдѣлалъ Тифанъ, дабы принудить ихъ принять сторону здраваго разума! Твой Тифанъ умѣлъ немного привораживать, сего я не выговорю!

Обстоятельства способствовали, безъ сумнѣнія, много къ облегченію его предпріятія, отвѣчалъ Данишемендъ. Древнѣйшіе и усерднѣйшіе защитники обѣихъ сторонъ были потреблены частію гоненіемъ Исфандіаровымъ, частію междоусобіями. Младые жрецы, составлявшіе тогда наивеличайшую часть сего чина, сами неболѣе вѣрили божеству голубыя или огневаго цвѣта обезьяны, какъ древніе Египетскіе жрецы божеству Аписа и крокодила; напротивъ того имѣли они великую причину думать, что остатокъ того народнаго почтенія, которымъ они еще наслаждались, исчезнетъ вскорѣ, естьли они захотятъ противиться общему понятію и всенародному благу, на которыхъ основано было Тифаново законоположеніе. Сверхъ се-

сего въ тайныхъ сообщенїяхъ, которыя съ ними учинены были за нѣсколько времени прежде, не позабыто было ихъ убѣдить, что для нихъ *больше будетъ пользы, нежели потери, въ новомъ учрежденїи*; и въ самомъ дѣлѣ, новое законоположенїе учинило духовенство толь нужнымъ, почтеннымъ и щастливымъ при всякомъ случаѣ, что они не поступая явно противу самихъ себя и въ тоже самое время противу правленїя, не могли не исполнить намѣренїй Государевыхъ.

Такимъ образомъ *книга правъ и должностей* стала . . . . .

Не прерывая васъ, господинъ Данишемендъ, сказалъ Султанъ, нѣтъ ли у васъ сея книги?

До сихъ поръ, отвѣчалъ философъ, не могъ я найти между всѣми Индѣйскими рукописными книгами, находящимися въ книгохранительницѣ Вашего Величества, какъ токмо *неполный перечень* сего сочиненїя, который однако, кажется

мнѣ, происходитъ изъ хорошихъ рукъ. Но, я думаю, не невозможно найти, въ которой нибудь части свѣта, самую книгу, или по крайней мѣрѣ ея переводъ.

Я плачу̀ десять тысячь багамдоровъ, за полный ея экземпляръ, сказалъ Шах-Жебалъ.

Данишемендъ не былъ жаденъ къ деньгамъ, но когда бы и былъ таковъ, то онъ зналъ Султана своего Государя. Я плачу̀ десять тысячь багамдоровъ за сiю книгу, значило въ рѣчи его не иное что, какъ, поелику слышу я, что не можно ее найти, то я желалъ бы ее имѣть, чего бы она ни стоила!

И такъ Философъ обѣщалъ .... *не невозможное испытать*, какъ говорятъ обыкновенно у нѣкотораго народа, котораго всѣ комплименты весьма гиперболически, но учинить все то, что будетъ возможно, для удовольствованiя драгоцѣннѣйшаго желанiя его Величества. Впрочемъ, продолжалъ

онъ,

онъ, когда равно неизвѣстно, находится ли гдѣ нибудь сія книга, то Вашему Величеству, надѣюсь, непротивно будетъ, есть ли получите изъ помянутаго мною перечня обстоятельнѣйшее, и, естьли не обманываюсь, нужное понятіе о законахъ и установленіяхъ Тифановыхъ.

Безъ сумнѣнія сказалъ Шах-Жебалъ; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Все уложеніе было раздѣлено на двѣ главныя части. Первая содержала права и должности Государевы; другая права и должности народа, разсуждаемаго какъ вообще, такъ и всѣхъ его членовъ въ особливости.

Первая часть содержала больше двапцати главъ. Ничего въ оной упущено не было, что принадлежало къ точнѣйшему опредѣленію царскихъ преимуществъ. Въ ней предписаны Государю всѣ тѣ коренныя правила, которымъ ему надлежало слѣдовать въ употребленіи сихъ преимуществъ нераздѣлимыхъ отъ его достоинства. Состояніе двора его

его и учрежденіе домашнія его жизни подвержены въ оной были нѣкоторому такому виду, который не обязывая Государей къ неприличному и несносному принужденію, полагалъ предѣлы ихъ желаніямъ и служилъ имъ предохраненіемъ противу нѣги и безпечности большія части восточныхъ Государей.

Не пристойно, говорилъ Тифанъ въ началѣ первыя и важнѣйшія части своихъ законовъ, чтобъ между тѣмъ, какъ различаются наиточнѣйшимъ образомъ права̀ и должности гражданъ, оставить права̀ и должности Государя, отъ коихъ однако зависитъ благо всего государства, не рѣша и зыблемо самопроизвольному его хотѣнію, или истолкованію и опредѣленію ненадежныхъ и неснабженныхъ рѣшительною властію законниковъ. Не пристойно, что бы въ то время, когда предписывается частному человѣку, какъ онъ долженъ поступать во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ съ своими

со-

согражданами, не опредѣлитъ главныя обязательства Государя къ государству. Мудрые законы не предписываютъ другихъ предѣловъ Государской власти, какъ токмо тѣ, безъ которыхъ польза народная, коея Государи суть первые наблюдатели, была бы во всегдашней опасности умаленною быть ими самими или по крайней мѣрѣ рабами рабовъ ихъ. Все творенiе управляется создателемъ своимъ по нѣкоторымъ законамъ, хотя въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, одинъ токмо онъ имѣетъ *безпредѣльное владычество*. Но который земный владыка можетъ желать, чтобъ больше управлять по своей волѣ, какъ самъ Богъ? Когда же сей всевышнiй Монархъ, по совершенной токмо своей премудрости и благоутробiю, подвергъ дѣйственность свою законамъ, то по какой причинѣ Государи, которые не иное что суть, какъ человѣки и управляютъ себѣ подобными, могутъ желать безпредѣльнаго самовластiя? . . . Для содѣланiя ли то *блага*? Въ семъ случаѣ законъ имъ по-

показываетъ надежнѣйшій путь? Онъ избавляетъ ихъ отъ труда и опасности заблудиться отъ истиннаго пути на множество распутій имъ предлежащихъ; и вмѣсто подверженія ихъ злословію народа, служитъ имъ щитомъ противъ ложныхъ его толкованій, укоризнъ и требованій.

Послѣдуя сему положенію, Тифанъ изъясняетъ и опредѣляетъ въ первой главѣ права̀ и должности царскаго сана. *Учрежденіе монархическое*, ограниченное мудрыми законами, заслуживаетъ имя *совершеннѣйшаго образа правленія*, потому что оно наиболѣе подходитъ къ божескому. Понеже тщетно бы было всякое покушеніе изобрѣсти его совершеннѣе; то Тифанъ повелѣваетъ, дабы Шешіанъ всегда управляемъ былъ однимъ Государемъ. Государь, говоритъ онъ далѣе, получаетъ величество свое не отъ произволенія народнаго, но отъ высочайшаго знаменія, котороеноситъ онъ въ лицѣ видимаго намѣстника всевышняго суще-

щества. Всѣ его должности происходятъ изъ сего знаменія, и всѣ его *права* изъ . . . его *должностей*. Ибо всякая должность замыкаетъ въ себѣ нѣкоторое право на все то, безъ чего не можетъ быть она исполнена.

Преимущество, быть самому творцемъ своихъ подданныхъ, есть отличное преимущество божества; однако Государь, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ быть творцемъ своего народа, ободряя, сколько возможно, размноженіе онаго; и вотъ *первая* его *должность*.

Вторая, въ которой неменьше показывается онъ подражателемъ божества, есть безпрестанное попеченіе въ доставленіи своему народу содержанія и обилія необходимо нужныхъ вещей. Есть ли есть на землѣ такіе люди, кои въ послѣднемъ претерпѣваютъ крайнюю бѣдность, то конечно не надлежитъ оныя приписывать скупости природы; ибо она производитъ довольно, для прокор-

кормленія въ избыткѣ въ десятѣ разъ больше людей, нежели сколько ихъ есть въ самое то время на ея поверьхности. Намѣстники божества суть единственною тому виною; ибо они имѣютъ въ рукахъ власть препятствовать безмѣрному неравенству; не терпѣть лѣности; ободрять труды; имѣть всякое возможное стараніе о земледѣліи; содержать житницы для будущихъ нуждъ; доставлять всевозможное облегченіе къ мѣнѣ и обращенію ихъ произрастѣній; и, что еще существеннѣе размноженію и благосостоянію каждаго правленія; исправлять нравы своихъ народовъ; и, когда оные будутъ одинъ разъ очищены, то содержать ихъ такими и препятствовать ихъ развращенію.

Такимъ то образомъ Тифанъ открываетъ мало по малу всѣ другія должности, проистекающія изъ основательнаго обязательства во *вдѣніи о государстиенномъ благосостояніи*. Каждая изъ нихъ занимаетъ

маетъ потомъ особливую главу. Онъ различаетъ ихъ краткими общими образцами, въ коихъ Государь представляется, краснорѣчивѣйшими и сильнѣйшими изображеніями, какъ законоположникъ, какъ судія, какъ правитель всенароднаго домостроительства, какъ защитникъ государства, какъ надзиратель вѣры и нравовъ, какъ ободритель наукъ и художествъ, и, что есть основаніемъ всѣхъ сихъ качествъ, какъ отецъ и общій воспитатель юношества.

Ничто не можетъ быть торжественнѣе рѣчи къ Государямъ своимъ преемникамъ, которою онъ оканчиваетъ сію главную часть. Какое собраніе высокихъ обязательствъ, должностей крайнія важности, вопіетъ разумный сей законодавецъ! Вѣдайте, о Государи, которые сядете нѣкогда на престолъ Тифановъ и учините предъ сею священною книгою страшное *клятвенное обѣщаніе вѣрности* Царю Царей, и народу, о коемъ вамъ вѣ-

рено попеченіе, вѣдайте, что рука моя трепетала, когда я писалъ сіи должности; что содрогалась душа во мнѣ, помышляя о всемъ ихъ пространствѣ. Законы сіи, въ коихъ клялись мы, будутъ судіи наши! По добромъ или худомъ исполненіи великаго нашего сана, необязанное для насъ ни къ чему, кромѣ справедливости, потомство, благословитъ и почтитъ память нашу, или изгладитъ съ презрѣніемъ безславныя имена наши изъ книги Государей. Непреклонный судія потребуетъ отъ душъ нашихъ отвѣта о всякомъ благѣ, о содѣланіи котораго мы вознерадѣли, или о всякомъ злѣ, нами учиненномъ!

Въ слѣдующихъ главахъ подробнѣе открываетъ онъ главныя должности Государя, и опредѣляетъ особливыми законами образъ, по которому оныя должны быть исполняемы. Въ слѣдствіе сего порядка законодательная власть Государя составляетъ предметъ главы второй.

рыя. ВЪ оной предлагаются случаи, уполномочивающіе Государя кЪ учрежденію новыхЪ законовЪ, то есть, по разсмотрѣніи ихЪ предсѣдателями правительства, которые не нашли вЪ нихЪ ничего противнаго книгѣ *правЪ и должностей.* Но ТифанЪ особливо занимается вЪ оныхЪ распоряженіемЪ средствЪ кЪ сохраненію законовЪ вЪ той дѣйствительности, безЪ которыя правленіе получило бы мало пользы отЪ наилучшаго законоположенія. На сей конецЪ нетокмо дается право, какЪ выше уже сказано, избраннымЪ государственнымЪ чинамЪ представлять жалобы Государю, вЪ законныхЪ своихЪ собраніяхЪ о налогахЪ, причиненныхЪ преступленіемЪ или злоупотребленіемЪ закона: но вЪ каждомЪ городѣ, и во всякомЪ округѣ, на кои провинціи для сего раздѣлены были нарочно, учреждены особливые смотрители, для рачительнѣйшаго при исполненіи законовЪ бдѣнія, для замѣчанія наруше-

шенія оныхъ и для поданія, каждый мѣсяцъ, обстоятельнаго о томъ свѣденія первому смотрителю всея провинціи, дабы о томъ увѣдомить толь же скоро намѣстника оныя, и каждые три мѣсяца самого Государя, дабы можно было заблаговременно употребить приличные способы къ предваренію зла. Впрочемъ запрещается въ сей главѣ всѣмъ и каждому изъ Шешіанскихъ жителей, подъ наказаніемъ вѣчнаго изгнанія, сочинять на книгу *правъ и должностей* изъясненія и толкованія, или брать предметомъ особенныхъ изысканій какій нибудь изъ содержащихся въ оной законовъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Въ случаѣ же есть ли произойдетъ нѣкогда довольно справедливое сумнѣніе о разумѣ какого закона, или о употребленіи его въ особливомъ случаѣ, то право истолкованія или объясненія онаго принадлежитъ Государю.

Въ третіей главѣ, разсматривается *размноженіе народа*, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ Государевыхъ попеченій. Власть, коею доселѣ управляемъ былъ Шешіанъ, говоритъ Тифанъ было правленіе деспотическое, и законъ Бонзъ; излишняя великость столицы; недостатокъ вниманія на состояніе провинцій; утѣсненіе и разграбленіе народа податьми, которыя не имѣли никакія соразмѣрности съ его доходомъ, и которыя единымъ образомъ сбора своего были ужѐ несносны; необузданная роскошь и развращеніе нравовъ; сіе собраніе золъ въ единый вѣкъ совокупившихся, умалило нечувствительно половиною число подданныхъ государства: какъ послѣдніе годы владѣнія Исфандіарова и послѣдовавшія имъ неустроенія возвели на верьхъ повсемѣстную бѣдность. Опустошеніе городовъ, цѣлыя провинціи, учинившіяся пустынями, все сдѣлало необходимымъ введеніе чужестранныхъ поселеній.

Но ниже сей способъ ниже всякій другій, кои въ подобномъ случаѣ употребляли нѣкоторые Государи, не могутъ произвести желаннаго дѣйствія, доколѣ продолжаются тѣ злоключенія, коихъ запустѣніе государства есть *неминуемое* слѣдствіе, или когда имъ входъ въ оное отворяется. Способъ самый твердый и самый надежный размножить населеніе есть по сему такое *законоположеніе, которое не терпитъ причинъ, способствующихъ разрушенію онаго*, но напротивъ того *истребляетъ ихъ до основанія* . . . . Въ семъ состояло одно изъ великихъ намѣреній законовъ Тифановыхъ; и какъ вся система оныхъ замыкала въ себѣ всѣ возможные способы къ исполненію сего намѣренія, то не осталось ничего дѣлать его преемнику, какъ токмо имѣть величайшее попеченіе о соблюденіи сихъ законовъ, и каждое злоупотребленіе, могущее непримѣтно ихъ обезсилить и уничтожить, тотчасъ истреблять до самого корня.

Впро-

Впрочемъ можно заключить по одному мѣсту изъ сея главы, что Тифанъ предпринималъ также знатныя перемѣны въ *супружескихъ законахъ* Шешіанцевъ. Но какъ они составляютъ особливую главу во второй части его уложенія; то ничего не можно объ нихъ сказать, пока не отыщется полнаго списка, развѣ токмо то, что холостая жизнь, по законамъ Тифановымъ, никому не позволялась, кто не могъ доказать приказнымъ порядкомъ естественныя или случайныя неизлѣчимыя неспособности.

Но господинъ Данишемендъ, сказалъ Султанъ, я бы весьма желалъ знать, какъ ты рѣшишь мнѣ то сумнѣніе, которое теперь пришло мнѣ противу положеній Тифановыхъ о размноженіи народа. Я предполагаю, что онъ щастливо успѣлъ въ истребленіи всѣхъ естественныхъ, политическихъ и нравственныхъ препятствій, противоборствующихъ приращенію народа,

но какое будетъ онаго слѣдствіе? Подданные его умножатся какъ кролики; въ скоромъ времени не станетъ мѣста, чтобъ имъ одному подлѣ другаго жить; и одинъ недостатокъ пищи произведетъ наконецъ въ нихъ ужаснѣйшее опустошеніе нежели деспотизмъ, роскошь, Бонзы, танцовщицы, врачи и аптекари всѣ вмѣстѣ. Во сколько времени, Данишемендъ, сказываютъ, народъ можетъ порядочно умножиться вдвое?

Рѣшеніе сего вопроса, отвѣчалъ сей, зависитъ отъ множества случайныхъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ, кажется, сіе исчисленіе невозможнымъ, ежели захотѣть учинить оное съ точностію. Однако, когда справедливо можно предполагать, что въ такомъ народѣ, каковымъ должны мы себѣ представлять новый родъ людей, производимый Тифановымъ законоположеніемъ въ Шешіанѣ, то есть, въ народѣ самомъ здоровомъ, трезвомъ, умѣ-

умѣренномъ, веселомъ и самомъ честномъ въ свѣтѣ, люди естественно живутъ несравненно долѣе, и браки пребываютъ гораздо долѣе плодоносны, нежели у всѣхъ другихъ народовъ: то можемъ, кажется мнѣ, безъ всякаго сомнѣнія допустить, что число Шешіанскихъ обитателей подъ помянутыми обстоятельствами должно усугубиться, по крайней мѣрѣ, втрое въ одинъ вѣкъ, что надежно дѣлаетъ, по прошествіи двухъ сотъ лѣтъ, число необыкновенное.

„Откуда же всѣ сіи люди возмутъ себѣ содержаніе?„

Я предполагаю, по способу одного исчисленія, которымъ было бы весьма не къ статѣ докучать Вашему Величеству, что Шешіанъ, на степени совершенства, на который Тифанъ возвелъ земледѣліе, могъ прокормить, по крайней мѣрѣ, сто милліоновъ людей трудолюбивыхъ и живущихъ весьма воздержно.

 „Это

„Это много господинъ Дани-
„шемендъ, есть ли ты не обчелся.
„Но станемъ предполагать всегда,
„что было такъ; гдѣ надобно
„взять пищи для двухъ сотъ ты-
„сячь, четырехъ сотъ тысячь,
„осьми сотъ тысячь, шестнатцати
„сотъ тысячь, и для безчисленныхъ
„милліоновъ, которые найдутся на
„землѣ при двантцатомъ родѣ? Я
„ударился бы объ закладъ, что на-
„конецъ не было бы довольно воздуха
„въ свѣтѣ для пропитанія ихъ,
„есть ли бы они могли питаться и
„воздухомъ.„

И къ тому еще представляется обстоятельство, сказала прекрасная Нурмагаль, которое отнимаетъ случай у бѣднаго Данишеменда уменьшать чувствительно отъ времени до времени число своихъ Шешіанцевъ. Есть ли Тифановы преемники были только нѣкоторымъ образомъ подобны образцу своему, и есть ли то учрежденіе, которое государство получило отъ Тифана, было нѣсколько вѣковъ хра-

хранимо, какъ и можно того надѣяться отъ толь совершеннаго законоположенія; то непонятно, какимъ образомъ Шешіанъ могъ бы имѣть во все оное время войну нѣкоторыя важности. Кто бы осмѣлился напасть на подобное государство, или кто бы захотѣлъ объявить себя непріятелемъ? И какія выгоды въ свѣтѣ могли бы побудить Шешіанскаго Государя къ начинанію брани?

Честь короны его можетъ принудить лучшаго изъ государей къ предпріятію войны, или ко вступленію въ дѣла его сосѣдей, сказалъ Шах-Жебалъ (*), однако минемъ сіе разсужденіе; я все еще не вижу, какимъ образомъ другъ нашъ Данишемендъ на этотъ разъ выпутается изъ сего дѣла.

Ваше Величество привели меня почти въ замѣшательство, отвѣчалъ

(*) Смотри введеніе въ первую часть сея исторіи.

чалъ Данишемендъ. Однако дѣло сіе, касающееся до размноженія народа, не столь худо, какъ съ перваго взгляда кажется. Чѣмъ больше жители Шешіанскіе умножаются, тѣмъ больше имѣемъ мы рукъ для обработыванія природы. Она есть такій источникъ, который тѣмъ становится обильнѣе, чѣмъ больше число изъ него почерпающихъ; и кто можетъ опредѣлить мѣру и предѣлы его плодоносія? Сверьхъ сего раченіе и изобрѣтательный разумъ жителей возбужденны, всегда блискою опасностію недостатка въ хлѣбѣ, къ приведенію художествъ на тотъ степень совершенства, чрезъ который дѣлается посредствомъ внѣшнія торговли множество другихъ народовъ имъ данниками. Наконецъ, ежели всего сего будетъ недовольно, то надлежитъ намъ, безъ сумнѣнія, взять въ примѣръ пчелъ, и принуждать отъ времени до времени молодые рои искать другихъ жилищь; и такъ пусть большая

шая часть Шешіанцевъ разсѣется по чужимъ землямъ, гдѣ трудолюбивыхъ и искусныхъ пришельцевъ всегда хорошо принимаютъ; пусть самое правительство пошлетъ селенія, которыя утверждаются на отдаленнѣйшихъ берегахъ, приносятъ науки и художества къ грубымъ народамъ, и тѣми же способами, которые употребляли они, для исправленія своего состоянія, становятся равно благодѣтелями рода человѣческаго; сколько еще острововъ, сколько необитаемыхъ странъ на твердой землѣ, которыя лежатъ или совсѣмъ еще пусты, или отъ долгаго времени еще нестолько населены и воздѣланы, чтобъ не было мѣста для новыхъ селеній, которыя, вмѣсто того, чтобъ искать пропитанія себѣ ловлею въ неизмѣримыхъ пустыняхъ, приносятъ съ собою орудія для земледѣлія и художествъ, помощію которыхъ десятая часть тоя земли гдѣ *сто дикихъ* едва могутъ продлить жизнь

свою,

свою, становится богатымъ хранилищемъ для тысячи благоустроенныхъ семействъ.

„Очень хорошо, очень хорошо! „сказалъ Султанъ, смѣяся, и „есть ли сего недовольно будетъ, „господинъ Данишемендъ, то мы „на нужный случай сыщемъ еще „саранчу, язву, трясенія земли и „потопы, которыя могутъ насъ „избавить отъ труда, сдѣлать „малую перемѣну въ законахъ мудраго Тифана?„

Я надѣюсь, что мы не будемъ къ тому приведены, дабы просить у природы толь жестокихъ вспоможеній. Она снабдила другимъ образомъ къ прогнанію страха, который можно бы имѣть, чтобъ, употребляя всѣ нравственныя ободренія для расширенія населеній, не сдѣлалось оно нѣкогда опаснымъ. Общее примѣчаніе показываетъ, что населеніе возрастаетъ или умаляется по мѣрѣ способности, которую находитъ народъ къ препровожденію жизни. Положивъ,

что

что одинъ изъ преемниковъ Тифановыхъ увидѣлъ бы себя принужденнымъ отступить отъ запрещенія холостыя жизни: то сія самая необходимость не была ли бы сильнѣйшимъ доказательствомъ изящности Тифановыхъ законовъ?

Со всѣмъ тѣмъ, продолжалъ Шах-Жебалъ, такимъ же голосомъ, какимъ началъ, всякій годъ было немалое число подкидышей въ Шешіанѣ, господинъ Данишемендъ?

По видимому, весьма немалое, сказалъ Философъ; но тѣмъ лучше для Государя, или выговорить собственнѣе, для правительства!

Какъ такъ, спросилъ Султанъ?

Дабы не задерживать Ваше Величество загадками, то я долженъ сказать, что считая отъ временъ Тифановыхъ, не было собственно ни одного подкидыша въ Шешіанѣ. . . . ибо не было уже дѣтей незаконорожденныхъ. Законы Тифановы пеклися о томъ, что бы природа и любовь никогда не могли находиться въ той

пла-

плачевной необходимости, дабы не отрицать того, что та и другая имѣютъ сладчайшаго и драгоцѣннѣйщаго. Но во всѣхъ городахъ и во всѣхъ пристойныхъ мѣстахъ были построены домы, въ коихъ воспитывались на государскомъ иждивенiи дѣти наемниковъ и бѣдныхъ.

Твой Тифанъ былъ рѣдкiй казначей, вскричалъ Шах-Жебалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ Ваше Величество увидите то въ слѣдующей главѣ его законовъ. Между тѣмъ сiе учрежденiе, тѣмъ образомъ, коимъ было производимо, совсѣмъ не было въ тягость правительству, но напротивъ того доставляло ему знатнѣйшую пользу. Во многихъ другихъ земляхъ нужда, нездоровая пища, повсемственное небреженiе о тѣлѣ и душѣ соединяются, дабы сдѣлать изъ дѣтей поденщиковъ и нижняго класса ремесленниковъ нѣкоторый родъ тварей, коихъ можно отличить отъ самыхъ глупыхъ животныхъ, по нѣкоторому, хотя

ча-

часто весьма несовершенному подобію съ человѣческимъ образомъ. Въ Шешіанѣ было совсѣмъ иначе. Когда родители дѣтей сихъ, выключая посредственную помощь, которую надлежало имъ производить на содержаніе ихъ до семи лѣтъ, то есть, пока они будутъ въ состояніи доставать себѣ пищу опредѣленною работою, должны были думать токмо о своемъ содержаніи, которое обильно могли снискивать умѣренною работою; то больше получали удовольствія въ томъ дѣйствіи, съ которымъ естество, для блага человѣчества, совокупило толико прелестей; они съ большею бодростію и силою оное отправляли, нежели можно надѣяться отъ подобныхъ имъ въ состояніи бѣдности и утѣсненія, въ коемъ ослабѣваютъ они во многихъ земляхъ. Слѣдовательно раждались дѣти здоровѣе, крѣпче и краше, и мудрыя Тифановы установленія для ихъ воспитанія составляли толикожъ учи-

 лищь,

лицъ, производившихъ всякаго рода полезныхъ членовъ республикѣ. Во многихъ другихъ государствахъ такія пріуготовленія, за недостаткомъ благоразумнаго учрежденія и добраго смотренія, совсѣмъ бы въ скоромъ времени перевѣлись, и споспѣшествовали бы только весьма несовершенно общеполезному намѣренію. Но здѣсь раченіе Тифаново на все простиралось. Все въ подобныхъ публичныхъ воспитательныхъ домахъ впрочемъ обыкновенныя злоупотребленія были сдѣланы невозможными. Дѣти сіи наслаждались, подъ именемъ дѣтей усыновленныхъ Государемъ, непосредственнымъ его покровительствомъ. Самые Государи, которыхъ обязывалъ законъ, по примѣру Тифанову, къ безпрестанному по разнымъ провинціямъ государства путешествію, приходили отъ времени до времени навѣдываться о состояніи своихъ воспитанниковъ, и самомалѣйшая невѣрность, или самое малое нераченіе со стороны

ны тѣхъ особъ, кои находились въ сихъ домахъ, какъ прислужники, или учители и надзиратели, было толь строго наказываемо, исправное же напротивъ того поведеніе, по истеченіи нѣкотораго времени, толь изрядно награждаемо, что чужестранцы, видя сіи отмѣнныя основанія, не могли довольно надивиться . . . сколь было легко содержать толь изрядныя учрежденія въ наилучшемъ порядкѣ.

По справедливости, сіе учрежденіе мнѣ нравится, сказалъ Шах-Жебалъ. Но что Тифанъ дѣлалъ съ толь многими воспитанниками?

Кажется, что число никогда не приводило его въ замѣшательство, отвѣтствовалъ Данишемендъ. Крѣпчайшіе воспитываемы были къ военной службѣ, или къ другимъ званіямъ, требующимъ особливо силъ тѣлесныхъ, а самые неспособнѣйшіе были всегда довольно годны для отправленія какія нибудь механическія работы. Большая часть отходила въ услуженіе въ домы знатныхъ и богатыхъ,

а другая наполняла фабрики, Тифаномъ во множествѣ заложенныя; а тѣ, въ которыхъ усматривали великія дарованія или способность къ какому нибудь художеству, были оттуда выводимы въ надлежащемъ возрастѣ, и приуготовляемы къ своему званію въ другихъ способности ихъ сразмѣрныхъ учрежденіяхъ, о которыхъ мы станемъ говорить въ послѣдствіи.

Данишемендъ, сказалъ Султанъ, по́мни, что мы тотчасъ будемъ о семъ дѣлѣ говорить подробнѣе. Ты долженъ мнѣ предложить планъ . . . разумѣешъ ли ты меня? Добрые примѣры заслуживаютъ послѣдователей. Сего нынѣ довольно.

XI.

Китайскій переводчикъ не упоминая далѣе о особливыхъ разговорахъ Султана Жебала съ придворнымъ своимъ Философомъ, и о тѣхъ пред-

предложеніяхЪ, или дѣйствительныхЪ учрежденіяхЪ, которыя уповательно были плодами онаго, довольствуется продолженіемЪ своего сказанія. И такЪ онЪ насЪ увѣдомляетЪ, что вЪ слѣдующій вечерЪ, когда рѣчь была паки о Тифанѣ и его законоположеніи, СултанЪ обратилЪ разговорЪ на государственное домостроительство, свой любезный предметЪ и показалЪ великое желаніе, знать, какЪ сей Государь могЪ снести толь безмѣрныя иждивенія, которыя онЪ судя по нѣкоторымЪ опытамЪ кажется возложилЪ самЪ на себя. Сіе любопытство Его Величества принесло весьма обстоятельное изЪясненіе, изЪ котораго сочинитель довольствуется внести слѣдующую выписку; зная что не можно ничего такого сказать Китайскому Государю, чего не находитЪ онЪ столь же у себя благоустроеннымЪ.

Писатели, сказалЪ Данишемендъ, изЪ которыхЪ я почерпнулЪ мои наставленія, касающіяся до

Тифановыхъ положеній, о Государственныхъ сборахъ и домостроительствѣ Государственномъ, повѣствуютъ намъ такія дѣла, которыя, кажутся при первомъ взорѣ, весьма отмѣнными, есть ли не совсѣмъ невѣроятными. Тифанъ похвалялся, говорятъ они, за нѣсколько дней до своея смерти, предъ своимъ преемникомъ, что онъ оставлялъ ему такое сокровище, коего ни который Асіатскій Государь показать не можетъ. Правда, говорилъ онъ, что ты не найдешь великаго числа денегъ въ моемъ казнохранилищѣ; но я тебѣ оставляю шестьдесятъ милліоновъ подданныхъ довольныхъ, хорошо вскормленныхъ, изрядно одѣтыхъ, благонравныхъ, трудолюбивыхъ и весьма нашему правленію усердствующихъ. Когда возымѣешь ты въ нихъ нужду, для благосостоянія государства, то они охотно употребятъ для тебя всѣ свои способности, все свое имущество, всю кровь обращающуюся въ ихъ жилахъ. Я оста-

оставляю тебѣ города, наполненные прилѣжными и трудолюбивыми людьми, и земли, подобящіяся разцвѣтшимъ садамъ. Какое различіе между состояніемъ настоящимъ и тѣмъ, въ которомъ все сіе находилось при моемъ на престолъ восшествіи. Но пятьдесятъ лѣтъ, сынъ мой, суть изрядное поприще для Государя, желающаго благотворить и умѣющаго воспользоваться вспоможеніемъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Я надѣюсь также, что ты не найдешь больше раззоренныхъ городовъ къ возстановленію во всемъ государствѣ, никакихъ болотъ къ высушиванію, и пустынь къ населенію и земледѣлію. Провинціи государства твоего подобны членамъ здороваго и полноцвѣтнаго тѣла; жизненный сокъ обращается въ нихъ и ихъ оживляетъ; онѣ взаимно служатъ себѣ и подкрѣпляютъ другъ друга; каждая способствуетъ къ приведенію цѣлаго въ совершеннѣйшее состояніе и по чредѣ получаетъ изъ того жизненную

теплоту, пищу и нужныя вспоможенія. Всякій чинъ государства есть то, чѣмъ оному должно быть, и духъ согласія и любви къ отечеству распростершись между ими соединяетъ ихъ къ содѣланію общенароднаго блага. Юность каждаго чина получаетъ пристойное воспитаніе будущему своему званію. Всякое суетное ученіе изъ Шешіана изгнано; Академія наукъ преображена въ соборъ полезныхъ изобрѣтеній, въ училище мудрости, добродѣтели и вкуса. Назови мнѣ какое дарованіе, художество, которое бы могло быть употреблено къ благосостоянію народа, и не нашло ободренія и награжденія въ Шешіанѣ? И такъ признай, мой сынъ, что отецъ твой былъ *хорошій домостроитель*, и слѣдуй его примѣру . . . Во истинну, что въ тотъ день, когда Тифановъ преемникъ возшелъ на престолъ . . . хотя не нашелъ долговъ; но дѣйствительно едва имѣлъ столько денегъ въ сокровищницѣ, сколько было въ хра-

хранилищѣ у всякаго изъ самыхъ богатыхъ Шешіанскихъ купцевъ. Какое домостроительство!

У большія части Государей ничто лучше не пріемлется, какъ такое предложеніе, которое вмѣсто ста *таелепъ*, приходящихъ въ сокровищницу, выводитъ два ста. При Тифанѣ выдумщикъ всякаго предложенія, стремящійся *привести въ убожество подданныхъ*, не заслужилъ бы индѣ мѣста, какъ въ *прядильномъ домѣ*. Сдѣлайте мнѣ предложенія, говаривалъ онъ обыкновенно, дабы учинить Шешіанцевъ разумнѣйшими, лучшими, трудолюбивѣйшими, искуснѣйшими и щасливѣйшими; чѣмъ больше они будутъ имѣть сихъ качествъ, тѣмъ будутъ богатѣе; и я недовольно ли богатъ, когда богаты мои народы?

Еще рѣдкость! Во всѣхъ другихъ государствахъ, или *почти* во всѣхъ, сборы съ народа возрастаютъ непримѣтно, также часто и весьма примѣтно. Государственныя

потребности, сказываютъ, умножаются всякій день; и какъ во многихъ народное щастіе уменшается съ такою же размѣрностію, то приходитъ наконецъ та минута, въ которую народъ не имѣетъ уже больше ничего давать, точно въ то время, когда государство наиболѣе требуетъ помощи. Все сіе различнымъ образомъ учреждено было въ Шешіанѣ. Тифанъ имѣлъ искуство производить великія дѣла съ малымъ иждивеніемъ; что подходитъ къ тому искуству, которое имѣли древніе герои въ одержаніи великихъ побѣдъ, съ малымъ воинствомъ. Однако не возможно было, чтобъ Шешіанцы съ начала не были принуждены употреблять всѣ свои силы къ доставленію великаго числа денегъ, потребныхъ на исполненіе сихъ великихъ пріуготовленій, касающихся до общенароднаго благосостоянія. Но въ десятый годъ своего царствованія, увидѣлъ уже онъ себя въ состояніи уменьшить знатно

то обремененіе народа; и въ послѣдніе годы Шешіанцы едва платили третью часть того, что изторгали у нихъ при Султанѣ Азорѣ. Однако общенародное сокровище ни одною унціею не было легче, какъ въ первые годы Тифановы, и по самой крайней мѣрѣ, девятнатцатью двадцатыхъ частей богатѣе, нежели во времена Азоровы.

Какимъ образомъ сіе учинилось спросилъ Жебалъ?

Самымъ простѣйшимъ дѣйствіемъ въ свѣтѣ, отвѣчалъ Данишемендъ. Въ десятое лѣто владѣнія Тифанова было въ Шешіанѣ около *тритцати* милліоновъ человѣкъ, которые всѣ вмѣстѣ платили въ казну шесть сотъ милліоновъ унцій серебра. Въ пятьдесятое лѣто сего же самого Государя, щитали болѣе *шестидесяти* милліоновъ жителей, которые для исполненія тогожъ числа, платили половиною меньше своихъ предшественниковъ, и въ сокровищницу всегда тоже число входило. Напротивъ

того

того въ послѣдніе годы *Азорпы*, находилось въ Шешіанѣ сорокъ милліоновъ жителей, которые платили неменьше двухъ тысячь четырехъ сотъ милліоновъ унцій серебра; *но по нещастію ни въ казну, ни Государю*, но откупщикамъ и сборщикамъ, государевымъ любовницамъ, ихъ любимцамъ, государевой поварнѣ, Государеву гард-робу, лошадямъ, собакамъ, кошкамъ, слонамъ, великанамъ, карламъ, обезьянамъ, попугаямъ и безчисленному множеству другихъ нужныхъ тварей, которыя надлежали до великолѣпія престола и имѣли всѣ вообще величайшія прихоти. Всѣ сіи *участники* государственныхъ доходовъ, похищали напередъ такую изъ оныхъ часть, что оселъ посредственныя силы, съ малымъ трудомъ, поднялъ бы остатокъ государскія казны; и сіе одно обстоятельство, мнѣ кажется, открываетъ всю тайну.

При сихъ словахъ, угодно было Султану Жебалу, поднять толь громкій смѣхъ, что Данишемендъ принужденъ былъ остановиться. Бѣдный Азоръ, вскричалъ онъ нѣсколько разъ съ ряду, бѣдный человѣкъ! Возможно ли представить какого нибудь бездѣльника бѣднѣе Азора.

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Данишемендъ, добросердечный Азоръ былъ почти еще бѣднѣе, нежели *бѣдные его подданные.*

Ты говоришь правду, Данишемендъ, отвѣтствовалъ Шах-Жебалъ, добрые сіи люди по справедливости достойны сожалѣнія! . . . Но гдѣ мы остановились? Правду сказать, я еще недовольно ясно проникаю въ домостроительство твоего Тифана.

Надѣюсь, что вскорѣ все будетъ для Вашего Величества ясно, отвѣчалъ Философъ. Султанъ Тифанъ дѣлаетъ въ своемъ уложеніи весьма достойное примѣчанія различеніе между нуждами *государевыми* и нужда-

ждами *правительства*, и слѣдовательно между *кошелькомъ* того и другаго. Онъ назначаетъ тому великое число государственныхъ имѣній, составлявшихъ отъ временъ Огул-Хана, дворцовыя собственныя отчины. Онъ умножилъ ихъ, съ согласія народнаго, частію опустѣлыми землями, которыя со времени междоусобныхъ браней остались безъ всякаго, по недостатку жителей, земледѣлія, и щитались государственными, а Тифаномъ населены будучи чужестранными поселѣніями и въ нѣсколько лѣтъ приведены были въ цвѣтущее состояніе. Сверьхъ сего доходы съ рудокопныхъ заводовъ и соляныхъ варницъ были до тѣхъ поръ почитаемы имѣніемъ государевымъ, Тифанъ же оставилъ все на томъ же основаніи, для того что не захотѣлъ онъ лишить ни себя, ни своихъ послѣдователей тоя власти, дабы дѣлать *по своей волѣ* добро; мнѣніе, которое можетъ быть, извиняетъ себя человѣческою слабостію, хотя оно слѣдствіями своими

въ

вЪ позднѣйшія времена сдѣлалось вреднымЪ Шешіанскому государству.

Всѣ сіи доходы приносили, по доброму домостроительству Государя Тифана, вЪ послѣднія лѣта жизни его, около девяти или десяти милліоновЪ унцій серебра, которыми Государь могЪ располагать такЪ, какЪ ему было угодно, никому не отдавая вЪ томЪ отчета. НапротивЪ того онЪ обязанЪ былЪ оными содержать свой дворЪ, употреблять на особливыя свои издержки, и, по выразительному Тифанову расположенію, на всѣ тѣ росходы, коихЪ требуетЪ величество престола. Но какЪ сего числа, сколько бы оно знатно ни было, едва бы довольно было кЪ исполненію желаній слабаго и неразумнаго Государя, то ТифанЪ вЪ особливомЪ отдѣленіи своего уложенія опредѣлилЪ, какимЪ образомЪ должно расположить государскую свиту, столЪ его и все надлежащее до его домостроительства. *Благородная простота и весьма великая*

умѣ-

умѣренность составляли сущность сихъ расположеній. Ежели роскошь, говорилъ Тифанъ, опасна для благоустроеннаго государства, ежели то справедливо, что токмо для народа весьма развращеннаго, и то на время, бываетъ она надобнымъ зломъ; ежели величайшія богатства государственныя состоятъ въ числѣ трудолюбивыхъ его подданныхъ; ежели наконецъ безъ умѣренности желаній и иждивенія, размноженіе народа не можетъ никогда толь далеко простираться, какъ бы оно могло простираться естественно: то ясно представляется очамъ, сколько то нужно, дабы дворъ подавалъ каждому состоянію постоянный примѣръ тоя добродѣтели, которая есть сильнѣйшая подпора добрыхъ нравовъ. Вельможи и дворянство перенимаютъ у двора: первые же соединяются для просвѣщенія народа, примѣромъ поведенія жизни единообразныя и заключенныя въ предѣлахъ благопристойности и добраго домо-

домостроительства. Народъ тѣмъ будетъ менѣе подверженъ опасности потерять разсудокъ своего состоянія и вкусъ простоты въ препровожденіи жизни. Сія единообразность противна токмо тѣмъ людямъ, въ которыхъ праздность раждаетъ неистовыя желанія и вкусъ своеобычливый. Такимъ въ Шешіанѣ быть не можно: ибо законъ не терпитъ ни одного тунеядца. Отъ Государя до поденщика, всякъ упражненъ въ исполненіи должностей своего состоянія, или въ употребленіи своихъ дарованій. И упражняющіеся въ важныхъ дѣлахъ, для коихъ покой составляетъ уже нѣкоторый родъ удовольствія, не имѣютъ ни въ чемъ нужды, какъ токмо въ простыхъ и безъ пріуготовленія бывающихъ увеселеніяхъ, для того что забавы для нихъ не суть упражненіе, но токмо по трудахъ отдохновеніе.

Издержка двора по сему мнѣнію устроеннаго, хотябъ *благопристойность* и самое *великолѣпіе*, въ

нѣкоторыхъ случаяхъ не было оставлено, не должны были столько стоить для Государя, чтобъ ему не оставалось еще знатнаго числа, изъ коего бы онъ могъ дѣлать употребленіе благородное, благотворительное и полезное всему народу. Тифанъ, на примѣръ, будучи великій натуральныя исторіи любитель, употреблялъ немалую часть казны своея на физическіе опыты, на математическія орудія и на награжденіе отличившихся въ семъ ученіи. Онъ основалъ, на собственномъ своемъ иждивеніи *Академію изящныхъ искуствъ*, которыхъ успѣхи составляли одну изъ наиприятнѣйшихъ забавъ. Сверьхъ сего онъ посвящалъ еще каждый годъ великое число награжденій, для ободренія *всякаго рода полезныхъ трудовъ*. Всѣ предпріятія, могущія принести честь государству или сдѣлать какую нибудь другую пользу, находили въ немъ великодушнаго, но въ то же самое время, исполненнаго про-

проницанія покровителя, умѣющаго весьма точно отличать наружный видъ отъ истинны. Но вообще всѣ молодые люди, прославившіеся опытами необычайныхъ способностей, находились подъ непосредственнымъ его покровительствомъ. Онъ держалъ записку тѣмъ, кои принадлежали къ сему состоянію; онъ доставлялъ имъ всѣ возможные случаи къ достиженію совершенства, и какъ онъ ихъ довольно точно научался знать, дабы мочь наилучшимъ образомъ цѣнить различныя ихъ дарованія, то можно особливо приписать сему обстоятельству, что онъ въ состояніи былъ вести столь превосходное домостроительство, какъ то, которымъ онъ похвалялся предъ своимъ преемникомъ.

При такомъ употребленіи, которое дѣлалъ Тифанъ изъ собственныхъ своихъ доходовъ, и не удивительно, что не оставилъ онъ своему сыну никакого великаго сокровища наличными деньгами, хотя во

всѣхъ издержкахъ не было ни одной, которыя бы имѣлъ онъ причину стыдиться. Но какъ то же самое происходило и съ общенароднымъ сокровищемъ, то могло бы возбудить противу добраго его домостроительства нѣкоторое подозрѣніе, ежели бы Тифанъ не поставлялъ себѣ главнымъ правиломъ, съ такою точностію равнять государственный приходъ съ росходомъ, что при концѣ каждаго года по вычетѣ послѣдняго изъ перваго, весьма мало оставалось, а часто и ничего. (*) Сіе все-

(*) Весьма бы худо истолковали намѣренія издателя сея исторіи, ежели бы почли сказываемое имъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ о учрежденіяхъ и правилахъ Тифановыхъ, *скрытною критикою* мудрыхъ и одаренныхъ глубочайшимъ проницаніемъ въ наукѣ правленія Государей. Въ *государствѣ выдуманномъ* можно, какія угодно, дѣлать учрежденія; въ государствѣжъ дѣйствительномъ, и величай-

всенародное сокровище наполнялось отъ тѣхъ податей, которыя платили правительству владѣльцы и другіе жители государства. Во владѣніе Тифаново никогда не преходило оно шести сотъ милліоновъ унцій серебра и не позволено было его употреблять, кромѣ какъ на необходимыя государства издержки, или на то, что явно казалось споспѣшествующимъ къ его пользѣ, и что означено ясно въ книгѣ законовъ. Государь, говоритъ Тифанъ, не болѣе имѣетъ власти надъ имѣніемъ своихъ подданныхъ, какъ токмо что обязанъ оное покровительствовать: но столь же мало уполномоченъ, какъ и другій, брать у нихъ, противу ихъ воли вещь самомалѣйшую.

 На-

чайшій Монархъ невсегда во власти своей имѣетъ *обстоятельства.* Что было пристойно въ Шешіанѣ, или что такимъ сдѣлалось отъ законоположенія Тифанова, то можетъ быть индѣ весьма несвойственно, или и совсѣмъ не возможно.

Напротивъ того, всѣ граждане обязаны способствовать, по мѣрѣ имѣнія своего, или доходовъ въ государственныхъ нуждахъ и во всѣхъ общеполезныхъ заведеніяхъ. Понеже никто не можетъ, безъ крайняго дурачества, не признавать сего обязательства, или искать отъ него освободиться, не оказываясь преступникомъ въ разсужденіи правительства, то надлежитъ токмо,

1. Употреблять всѣ возможные къ тому способы, дабы сія подать была для народа нетягостна, и

2. Совершенно его увѣрить, что оная употребляется согласно съ законами.

Распоряженія Тифановы къ исполненію сугубаго сего намѣренія суть столько просты, сколько можно того надѣяться отъ такого законодавца, который могъ взять всегда кратчайшій путь, для того что не былъ остановленъ ни однимъ препятствіемъ и не имѣлъ другія цѣли, кромѣ скорѣйшаго достиженія сво-

своихъ намѣреній. По способу сихъ распредѣленій, всякіе чины Шешіанскихъ жителей должны были платить всякій годъ государству извѣстную подать, но весьма умѣренную, которая по сдѣланному вообще справедливому окладу была такъ раздѣлена, что богатые платили наиболѣе, а бѣдные напротивъ того почти ничего. Во всякой деревнѣ и въ каждой слободѣ, такъ какъ и во всякомъ маломъ городѣ находился въ предверіи *храма* довольно крѣпкій сундукъ, въ который каждый металъ чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе свою подать, которую надлежало ему платить помѣсячно, завернувъ въ бумагу и написавъ на ней свое имя. (*) Кто сего не исполнялъ не могши показать причины, тотъ принужденъ былъ силою заплатить по своей должности

 то

(*) Ежели извѣстное патріотическое сновидѣніе одного неизвѣстнаго человѣка исполнится, то увидятъ во Франціи, въ 2240 году, подобное учрежденіе.

то малое число, которое правительство признавало потребнымъ. Двѣ особы къ сему дѣлу приставленныя, вели сему приходу записку, и отсылали собранныя деньги помѣсячно изъ деревень и слободъ въ ближайшій назначенный имъ городъ. Сей сборъ преносился изъ малыхъ городовъ въ столицу провинціи, а оттуда отсылался чрезъ всякіе три мѣсяца въ Шешіанъ въ государственную казну. Въ каждомъ мѣстѣ, въ каждомъ городѣ и провинціи, приставленные сборщики имѣли списокъ тѣхъ, на коихъ положенъ былъ сборъ въ ихъ мѣстѣ, городѣ и провинціи, такъ какъ начальные Шешіанскіе сборщики поступали въ разсужденіи того, что обязана была платить каждая провинція, по утвержденному единожды окладу. Сей окладъ простирался частію *на помѣщичьи владѣнія и домы*; и по учрежденію Тифанову, долженъ до тѣхъ поръ быть одинаковъ, пока Государь и государственные чины разсудятъ, что

что необходимо нужно для государства оной умножить. Онъ объималъ также *всѣхъ жителей государства въ особливости*, выключая слугъ и дѣтей низкаго состоянія, изъ которыхъ каждый былъ неминуемо обремененъ, соразмѣрно тому состоянію, до коего онъ принадлежалъ. Понеже всякій мѣсяцъ надлежало посылать точную вѣдомость о новорожденныхъ и умершихъ въ каждомъ мѣстѣ къ смотрителямъ каждыя провинціи, а отъ сихъ чрезъ всякіе три мѣсяца ко двору; то ничего не было легче, какъ знать, сколько каждая провинція должна была платить въ мѣсяцъ; и поколику не терпѣли никакого недоимка, но въ нѣкоторыхъ особливыхъ случаяхъ, когда подданный, довольно докажетъ, что пожитки его не позволяли ему за себя заплатить, то лучше хотѣли уступить ему за цѣлый мѣсяцъ. Такимъ образомъ дѣйствіе никогда не находилось въ безпорядкѣ; его можно было видѣть

всегда однимъ взглядомъ, и чрезъ то не подвергалось оно опаснымъ слѣдствіямъ запутаннаго образа учрежденія.

Господинъ Данишемендъ, сказалъ Султанъ, много бы можно говорить о семъ дѣлѣ. *Простота* всѣхъ механическихъ дѣйствій есть весьма прекрасное свойство; но Тифаново распредѣленіе сборовъ предполагаетъ нѣчто такое, которое можно токмо допустить въ государствѣ вообразительномъ. Ежели бы всѣ его подданные и сборщики не были самые честные люди въ свѣтѣ, то я не далъ бы мѣднаго *багама* за все его дѣйствіе.

По самой справедливости, отвѣчалъ Данишемендъ, все законоположеніе и управленіе Тифаново основано на нравахъ. Въ семъ состояло его неразуміе. Но должно также признаться, что онъ ничего не пренебрегъ, для *искорененія добрыхъ нравовъ въ своихъ подданныхъ.* Любовь къ отечеству, законамъ бла-

благоустроенію были такія добродѣтели, къ которымъ Шешіанцы при его царствованіи наставляемы были отъ юности. Понятіе о *чести*, соединенное съ точнѣйшимъ исполненіемъ гражданскихъ должностей, и чувствіе стыда, сопряженное съ нерадѣніемъ къ симъ самымъ должностямъ стало толь естественно и обыкновенно Шешіанцамъ, что самомалѣйшій изъ нихъ лучше бы захотѣлъ по нуждѣ убавить что нибудь изъ своея пищи, нежели быть подверженнымъ тому безчестію, дабы видѣть себя принужденнымъ платить силою ту подать, которою онъ почиталъ себя правительству должнымъ. Что же касается до пріемщиковъ государственныхъ доходовъ, то выбирали ихъ изъ такого состоянія, въ которомъ чувствованіе чести дѣйствуетъ наиболѣе. Но когда бы оно въ нѣкоторыхъ было и нестолъ сильно, то было нелегко, по учрежденію Тифанову, погрѣшить противу вѣрности, и весьма

трудно не быть узнану. Въ семъ случаѣ поноснѣйшее наказаніе ихъ ожидало; и на той ногѣ, на которой Тифанъ поставилъ Шешіанцевъ, мало было такихъ, которые бы не захотѣли лучше потерять жизнь, нежели свои *уши*.

Никогда, можетъ быть, не было такія монархіи, въ которой бы подданные меньше платили въ казну, нежели Шешіанцы при Тифанѣ и нѣкоторыхъ его преемникахъ. Но вотъ то главное положеніе, на коемъ сей Государь основывалъ домостроительство своего владѣнія: высочайшее благосостояніе государства зависитъ отъ возможнѣйшаго *размноженія народа*; возможнѣйшее размноженіе народа отъ *удобнаго доставленія потребнаго себѣ пропитанія*; а сіе отъ *посредственныя цѣны всѣхъ потребностей житейскихъ*; и къ достиженію послѣдняго почиталъ онъ простѣйшимъ способомъ облегченіе народныхъ податей и такую цѣну съѣстныхъ припасовъ,

совъ, которую бы возвысить не могли и сами хозяева безъ позволенія Государя и правленія.

При владѣніи Азора и Исфандіара Шешіанцы подъ безчисленными подлогами и священными обрядами, кои подавали многообразный случай къ утѣсненію народа, принуждены были давать мало по малу 60, потомъ 70, наконецъ 80 со 100 своихъ доходовъ и ежегодныхъ пріобрѣтеній. Тифанъ уничтожилъ всѣ сіи обряды. „Государь почитающій все, что имѣютъ его под„данные, за свое собственное, го„ворилъ онъ, можетъ имѣть нужду „въ изысканіи способовъ къ овладѣ„нію онымъ наинечувствительнымъ „образомъ. Безъ сумнѣнія есть въ „томъ разность, есть ли я ослаб„лю тѣло часто повторяемыми ис„праженіями, или есть ли вдругъ „выпущу изъ него кровь; но нако„нецъ какъ то, такъ и другое по„добное произведутъ дѣйствіе. Вся „выгода состоитъ въ выиграніи нѣ-

„ко-

„ котораго малаго времени. По мо-
„ имЪ правиламЪ, продолжаетЪ онЪ,
„ о выгодахЪ двора никогда не вопро-
„ шается. Но когда бы я, по примѢру
„ Исфандіара, и вчинилЪ всѢхЪ Шеші-
„ анскихЪ жителей вЪ одинЪ классЪ сЪ
„ волами и овцами моихЪ отчинЪ,
„ то и тогда надлежало бы мнѢ
„ иначе сЪ ними поступать, неже-
„ ли сей Государь. Не безконечно
„ ли я богатѢе, имѢя сто тысячь
„ такихЪ подданныхЪ, изЪ кото-
„ рыхЪ каждый можетЪ, не раз-
„ зорясь, дать мнѢ втрое больше
„ того, сколько я отЪ него потре-
„ бую, нежели сЪ пятьюдесятью ты-
„ сячами нищихЪ, у которыхЪ на-
„ конецЪ нѢчего взять, кромѢ кожи,
„ покрывающей ихЪ кости, изЪ ко-
„ торыхЪ весь мозгЪ высосанЪ?„

Выключая сіи личные и вла-дѢльческіе сборы Шешіанская сокровищница не имѢла никакихЪ доходовЪ. ВсѢ пошлины на ввозимые и вывозимые товары несходствовали сЪ домостроительными Тифано-

выми понятіями. ПодЪ великимЪ запрещено было наказаніемЪ, вывозить хлѣбЪ и другіе съѣстные припасы или неотдѣланные товары; толь пространное и толь многонародное государство какЪ Шешіанъ имѣло само нужду вЪ первыхЪ, и не возможно было довольно упражнить безчисленный народЪ, не приготовивЪ всѣхЪ возможныхЪ произведеній природы. НапротивЪ того, по мнѣнію его, пошлина на вывозимые отдѣланные товары могла служить токмо кЪ ослабленію и изнуренію рукодѣлій и торговли, которыя должны быть ободряемы разумнымЪ правленіемЪ, со всевозможнымЪ стараніемЪ. СЪ другія стороны входЪ чужестранныхЪ отдѣланныхЪ товаровЪ остался свободенЪ, по двумЪ основательнымЪ причинамЪ: первое, понеже Шешіанскіе товары *были дешевле и лучше*, и понеже ТифанЪ не хотѣлЪ такимЪ запрещеніемЪ привести достаточныхЪ ШешіанцевЪ до непослуша-

шанія. Чтожъ касается до привозу грубыхъ товаровъ, въ которыхъ государство его имѣло недостатокъ, то ему не казалось пристойнымъ наложить на оный сборъ, поколику выгоднѣе было снисходить ему сколько было возможно, для ободренія домашнихъ рукодѣлій и прочихъ торговъ. Наконецъ Тифанъ умѣлъ разумно уничтожить всякаго рода налоги, выключая одного, который платился помѣсячно; сіе происходило отъ того, что государство не имѣло въ нихъ нужды. Ибо на всѣ обыкновенные росходы доставало обыкновенныхъ доходовъ; въ случаяхъ же необыкновенныхъ государственные чины готовы были дать Государю все, въ чемъ онъ имѣлъ нужду.

Тифанъ имѣлъ такъ же и войско? спросилъ Шах-Жебалъ.

Гарнизоны пограничныхъ крѣпостей столь обширнаго государства требовали неменьше двухъ сотъ тысячь человѣкъ хорошо выученныхъ и снабденныхъ довольнымъ жалован-

ваньемъ; но они платили за свое содержаніе государству, какъ и справедливость того требовала, заслугами, которыя бы имъ надлежало въ другое время ему оказывать; для того что безпрерывный миръ дѣлалъ ихъ мышцы безполезными къ его защищенію. Большія дороги, подобныя тѣмъ, кои видны были токмо въ позднѣйшія времена подъ правленіемъ Римлянъ, каналы для хода кораблей, для внутренней торговли выгодные, отведенныя рѣки, высушенныя болота, вычищенные лѣса и другія сего рода работы были славными доказательствами, что Тифанъ зналъ, какимъ образомъ должно употребить въ пользу двѣсти тысячь *сильныхъ и хорошо упитанныхъ лежебоковъ*.

Еще примѣчаніе на вашу повѣсть, господинъ Данишемендъ, сказалъ Султанъ. Мы научаемся всегда такимъ вещамъ, о которыхъ прежде и не думали. Сей Тифанъ былъ, по справедливо-

сти, такій человѣкъ, какого . . я бы желалъ имѣть Министра!

Онъ учинилъ кромѣ сего. . . .

Хорошо, хорошо, вскричалъ Султанъ, это и видно, что учинилъ онъ много великихъ дѣлъ; однако сего нынѣ довольно.

XII.

Данишмендъ вознамѣрился поговорить въ слѣдующій разъ съ Султаномъ, своимъ Государемъ, о разныхъ учрежденіяхъ, которыя имѣли отношеніе къ народному въ Шешіанѣ домостроительству. Но какъ скоро Шах-Жебалъ увидѣлъ Философа, то вспомня о двухъ стахъ тысячахъ сильныхъ и хорошо упитанныхъ лежебокахъ не оставилъ ему времени послѣдовать своему предпріятію. Господинъ Данишмендъ, сказалъ Султанъ, къ стати, мы вчерась говорили о лежебокахъ, скажи,

что

что сдѣлалъ добрый мой братъ Тифанъ изъ сего ужаснаго множества Іафаоу, которые, какъ мнѣ помнится, пособствовали слабому Азору пожирать государство? Что сдѣлалось вообще изъ *голубыхъ и огнепаго цвѣта Бонзъ*? Ты знаешь, что я за сихъ добрыхъ людей вступаюсь, и не хочу больше быть въ неизвѣстности о ихъ участи.

До удовольствованія Вашего Величества въ перьвомъ вопросѣ, отвѣчалъ Данишемендъ, я долженъ примѣтить, что изъ перьвыхъ Тифановыхъ стараній было раздѣлить жителей своего государства на классы, и опредѣлить какъ должности, такъ и права̀ каждаго класса. Сей важный предметъ наполнялъ большую часть его уложенія. *Крестьяне*, то есть, всѣ тѣ, которые упражняются въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, или въ чемъ нибудь другомъ, принадлежащемъ до деревенскаго домостроительства, составляли самую большую часть перьваго класса. Они на-

слаждались тою честію, что самъ Государь принадлежалъ къ ихъ цѣху. Ежегодно въ одинъ изъ первыхъ весеннихъ дней садилъ онъ дерево, и вспахивалъ полосу земли, дабы показать тѣмъ всему народу, что земледѣліе, какъ истинное основаніе всего гражданскаго общества, преимущественно достойно почитанія. Тотъ день, въ который начинались всѣ полевыя работы, былъ одинъ изъ наивеличайшихъ Шешіанскихъ праздниковъ, и первый смотритель каждаго мѣста во всемъ государствѣ обязанъ былъ дѣлать то, что его Государь, коего онъ представлялъ особу, дѣлалъ въ сей торжественный день. Крестьяне въ Шешіанѣ наслаждались, по Тифанову законоположенію, всѣми преимуществами свободно рожденныхъ гражданъ; и хотя по большой части были они токмо родъ откупщиковъ дворянскихъ, или и самого Государя, однако они составляли чрезъ свобожденіе отъ всякія самопроизвольныя

и мучительныя власти, и чрезъ умѣренность податей, кои надлежало имъ платить государству и своимъ господамъ, наищастливѣйшій классъ изъ жителей Шешіанскихъ, особливо въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, гдѣ климатъ будучи чище, изливалъ на народъ духъ радости и сладчайшихъ чувствованій, и гдѣ необыкновенное плодоносіе природы превращала почти въ игры ихъ работы.

Вторый классъ, составленный изъ всѣхъ мѣщанъ, упражнявшихся въ рукодѣліи и механическихъ искуствахъ, и имѣвшихъ здѣсь, какъ и вездѣ, собственное свое пребываніе по городамъ и слободамъ, хотя былъ для лучшаго порядка раздѣленъ на столько особливыхъ цѣховъ, сколько находится разныхъ родовъ механическихъ искуствъ и рукодѣлій; но всѣ древнія обыкновенія, или древніе законы, которые упражненіе въ оныхъ возбуждали принужденіемъ, удручавшимъ дарова-

ніе, прилѣжаніе приводившимъ въ уныніе и остановлявшимъ успѣхъ искуства, нашли при Тифанѣ столь же мало покровительства, какъ и всѣ присвояемыя вольности, коими каждое рукомесло, которое прежде дѣлало правленіе въ правленіи, и было уполномочено на самовольное утѣсненіе прочихъ гражданъ. Главное вниманіе Тифаново, касающееся до благоучрежденія сего класса, состояло въ томъ, чтобъ мануфактуры приводили въ возможное совершенство свою работу, но чтобъ въ тожъ самое время и положены были извѣстныя границы ихъ добротѣ. Роскошь перемѣняетъ нечувствительно въ изящныя искуства рукодѣлія, опредѣленныя единственно къ доставленію необходимѣйшихъ способностей; кузнецъ, слѣсарь, столяръ становятся чрезъ нее соперниками золотаря, рѣщика, живописца и подобнымъ образомъ прочихъ искусниковъ. Искуствы преходятъ мѣру. Полезнымъ жертвуютъ блестящему; что

бла-

благопристойно концу какого дѣла, что подчиняется своевольству свѣта и модѣ; самыяжъ простыя украшенія видовъ безмѣрной тонкости выработанія. Сія роскошность искуствъ питаетъ сластолюбіе, ее раждающее, а самое искуство приходитъ въ упадокъ. Тифанъ, въ очахъ котораго роскошь казалась лихорадкою, изнуряющею государство, не удовольствовался истребленіемъ изъ Шешіана всѣхъ тѣхъ искуствъ, которыя не имѣютъ другаго конца и пользы кромѣ подкрѣпленія праздности и роскоши (*); онъ постарался воспрепятствовать и тому, чтобъ тѣ, которыя были полезны и необходимы, не премѣнились. Отъ сего благоустройства произошло, что не возможно было купить дешевле и луч-

(*) Мы досадуемъ, что Султану не вздумалось спросить здѣсь Философа Данишеменда, *какія были тѣ искуства*, съ которыми Тифанъ поступилъ толь строго?

ше сдѣланныхъ, нежели въ Шешіанѣ, всякаго рода домашнихъ уборовъ, посуды, желѣзныя и стальныя работы, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, также и товаровъ, служащихъ къ великолѣпію и украшенію. Шешіанскіе художники научились соединять внутреннее и существенное качество съ хорошимъ и пріятнымъ, и сіе то было причиною, что ихъ труды сохранили долгое время то предпочтеніе, въ которомъ ни одинъ народъ не могъ съ ними спорить.

Третій классъ . . . .

Былъ составленъ изъ Бонзъ и Іафаоу, прервалъ Шах-Жебалъ съ нетерпѣливостію? . . .

Нѣтъ, Ваше Величество . . . .

Такъ сдѣлай мнѣ удовольствіе, сказалъ Султанъ, минуй его, и другіе, какъ возможно, съ которыхъ благоустройствомъ ты меня весьма напрасно останавливаешь тогда, когда я хочу знать совсѣмъ другое. Въ которомъ классѣ были

Іа-

Іафаоу? . . . Вотъ о чемъ желаю я слышать!

Сказать правду, всемилостивѣйшій Государь, то они не были ни въ какомъ классѣ, отвѣчалъ Данишемендъ; и причина, для чего Тифанъ почелъ за *нужное*, или, по крайней мѣрѣ, за весьма *полезное*, выключить ихъ изъ числа терпимыхъ въ Шешіанѣ *тварей* (ибо они никогда не были гражданами) кажется въ самой вещи быть немалыя важности. Государство, говоритъ онъ въ своемъ уложеніи, не можетъ ничему такъ быть уподоблено, какъ великому насажденію; оно содержитъ всякаго рода произрастѣнія, дерева̀, кусты, цвѣты, травы; нѣкоторыя дерева̀ подаютъ годный къ строенію лѣсъ; другія служатъ на топку; изъ иныхъ можно дѣлать всякаго рода домашніе уборы и посуду; другія приносятъ плоды для прохлажденія человѣческаго; нѣкоторыя питаютъ скотъ; иныя произрастѣнія служатъ на пищу;

 дру-

другія для лѣкарствъ, многія для увеселеній; онѣ услаждаютъ взоръ и обоняніе; въ простой невидной травочкѣ скрываются часто величайшія силы. Все, что способствуетъ въ чемъ нибудь пользѣ и украшенію всего насажденія, имѣетъ свою цѣну и становится предметомъ рачительныхъ стараній хозяина. Но худая трава и плевы, и тѣ безполезныя произрастѣнія, которыя для того токмо обвиваются около полезныхъ, дабы вытягивать изъ нихъ лучшіе питательные соки, словомъ все, что нетокмо само въ себѣ ни къ чему не годится, но напротивъ того препятствуетъ своимъ разпложеніемъ приращецію и умноженію полезныхъ растѣній, бываетъ тщательно выполываемо, и до малѣйшихъ жилочекъ изкореняемо. Подобно и въ благоустроенномъ государствѣ часть гражданъ упражняется въ прокормленіи другихъ; другая въ ихъ одѣваніи; третья въ сооруже-

ніи

нiи имъ жилищь; четвертая въ снабженiи ихъ множествомъ съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребныхъ способностей; пятая въ облегченiи перемѣны и продажи сихъ вещей: нѣкоторые служатъ обществу своими руками; другiе головою; а другiе своею кровiю и самою жизнiю. Многiе, не учась никакому другому искуству, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, дарованiе увеселять своихъ согражданъ. Всѣ сiи роды жителей или необходимы для государства, или, по крайней мѣрѣ къ чему нибудь пригодны: Но къ чему потребенъ Iафаоу, есть ли только разсудить, что такое онъ есть? Это такая вещь, говоритъ Тифанъ, которыя я никогда не могъ понять. Я вижу, что всѣ мѣста, гдѣ можно оказать услуги государству, заняты. Когда прохожу я всѣ возможные роды нуждъ, то не нахожу ни одной, къ которой бы состоянiе Iафаоу могло относиться. Можетъ быть въ то время, когда Шешiанцы утопая въ ди-

дикости и варварствѣ, были немного лучше въ просвѣщеніи и нравахъ прочихъ животныхъ ихъ рода; можетъ быть тогда могли они оказывать нѣкоторую двоезнаменательную пользу. Но нынѣ, благодаря небо, сіи злощастныя времена миновались, въ которыя невѣжество и уничиженіе человѣческія натуры были толь велики, что нужда была въ услугахъ Іафаоу. Въ населенномъ, учтивомъ, просвѣщенномъ и благоустроенномъ Шешіанѣ, надобно, чтобъ или они, подобно лѣнивымъ и безполезнымъ оводамъ пожирали безъ заслугъ плоды прилѣжанія трудолюбивыхъ гражданъ, или ежели они хотѣли что и дѣлать, то ихъ упражненіе было бы вреднѣе ихъ лѣности. Наивеличайшая часть изъ нихъ остановила въ Шешіанѣ успѣхи всякаго блага крайнимъ своимъ невѣжествомъ, презрѣніемъ и охуленіемъ всего того, что могло быть средствомъ къ поправленію народнаго состоянія, также своимъ усердіемъ къ наблюденію суе-

суевѣрія, глупости и рабскаго униженія умовъ подъ иго безумныхъ предразсужденій. Ихъ положенія, примѣръ ихъ и ихъ старанія соединялись на вѣки заградить доступъ въ сію нещастную страну здравому человѣческому разуму, добродѣтелѣ и хорошимъ нравамъ; . . . и Тифанъ долженъ былъ ихъ терпѣть? Нѣтъ, клянусь всѣмъ, что есть свято и благо! Что они изчезнутъ изъ нашихъ границъ и не обрящется болѣе мѣста, ими занимаемаго! . . Но, прибавляетъ сей мудрый и человѣколюбивый законоположникъ, небо насъ избави, что бы мы, осуждая все сообщество *Iафаоу* къ ничтожеству, были несправедливы въ разсужденіи *особенныхъ* его *сочленовъ*. Безъ сомнѣнія есть между ими люди съ заслугами, достойные лучшаго имени и мѣста, имѣющіе право на покровительство законовъ и на почтеніе своихъ сограждань, коимъ хотѣли бы они быть столько же полезны, сколько къ тому способны. Сохрани Богъ,

чтобъ

чтобЪ мы возвергали на сихЪ честныхЪ людей тотЪ жребiй или сплетенiе приключенiй, чрезЪ которое они заблудились между Iафаоу! Надобно ихЪ извлечь изЪ сообщества толь ихЪ недостойнаго, и вЪ видѣ, вЪ которомЪ они будутЪ подобиться прочимЪ Шешiанскимъ гражданамЪ, назначить имЪ мѣста, вЪ которыхЪ могутЪ они безпрепятственно, вЪ безопасности отЪ зависти и безумiя своихЪ собратiй вЪ полной дѣйственности употреблять свои способности и дарованiя для общаго блага. Также всѣмЪ прочимЪ, есть ли они лучше захотятЪ вступить вЪ число добрыхЪ гражданЪ, нежели самовольно изгнаться изЪ своего отечества, позволено будетЪ вчинить себя вЪ какiй нибудь пристойный имЪ классЪ; имЪ должно отдать на волю взять кирку, топорЪ или молотокЪ, копать землю, ткать или прясть, однимЪ словомЪ, дѣлать то, кЪ чему сила ихЪ членовЪ, или расположенiе ихЪ духа учи-

учинитЪ ихЪ способными. Но они должны быть токмо *гражданами* и добрыми гражданами, безЪ чего ШешіанЪ не имѣетЪ для нихЪ ни воды, ни земли!

ДанишемендЪ, вскричалЪ СултанЪ, исполненЪ восторга; да будетЪ первымЪ твоимЪ стараніемЪ доставить мнѣ изображеніе сего несравненнаго человѣка. ВотЪ что я называю быть ГосударемЪ! Надобно необходимо имѣть мнѣ его изображеніе. Я велю его написать во весь ростЪ, и во всѣхЪ положеніяхЪ, вЪ какихЪ только вздумать можно. ОнЪ будетЪ стоять во всѣхЪ моихЪ комнатахЪ; я его велю высѣчь изЪ мрамора и вылить изЪ золота. Велю вставить его вЪ своемЪ перстнѣ и вЪ табакеркѣ. Мнѣ хочется вышить его на платьѣ и выткать на всѣхЪ моихЪ носовыхЪ платкахЪ.

Превосходно, думалЪ ДанишемендЪ, а еще бы было лучше, есть ли бы Ваше Величество осмѣлились быть сами ТифаномЪ.

Обо-

Обожанія достойный человѣкъ! вскричалъ опять Шах-Жебалъ.... Но какъ поступали бѣдные Іафаоу? Не было ли какого движенія въ ихъ пользу? Я весьма удивляюсь, ежели Тифанъ могъ исполнить толь трудное предпріятіе безъ сильнаго поколебанія государства.

Онъ толь хорошо принялъ къ тому свои мѣры, сказалъ Данишемендъ, что уничтоженіе всего ордена Іафаоу не произвело больше движенія, какъ бы истребленіе въ одинъ день всѣхъ гнѣздъ Шешіанскихъ оводовъ. Все было готово для исполненія его. Раздѣленіе на классы всѣхъ Шешіанскихъ жителей было учинено, и каждому классу назначенъ былъ принадлежащій ему чинъ и собственный его кругъ дѣйственности. Шешіанцы начали примѣчать сами, что Іафаоу были существа излишнія. Тогда ужè не трудно было привести ихъ мало по малу до примѣчанія, что сіи безполезныя творенія были не токмо

тягост-

тягостны, но и дѣйствително опасны. Презрѣніе, кое зачалось къ нимъ еще со временъ Азора и Исфандіара, облегчило дѣйствіе всѣхъ сихъ примѣчаній. Словомъ, народъ увидѣлъ, что то, что его толь долгое время связывало, было не оковы, но безчисленное только множество *песьма тонкихъ нитей*, изъ коихъ прерывая одну послѣ другія, оказалось . . . къ великому всѣхъ удивленію . . . что онъ былъ свободны; и тогда то удивились, какимъ образомъ можно было толь долгое время медлить доставить самому себѣ сіе облегченіе.

Другъ мой, Данишемендъ, сказалъ Султанъ, сколько ты ни уменъ, однако я объ закладъ ударюсь, что ты не представляешъ себѣ, что значитъ все тобою теперь лишь сказанное.

Однако я бы думалъ . . . хотѣлъ Философъ начать отвѣтствовать, ежели бы Шах-Жебалъ далъ ему время. . . .

Думай все, что ты хочешь, Данишеменд; но ты право не представляешь, что сіи нити, которыя ты научил меня разорвать, доставят тебѣ мѣсто моего *Итимаддулета*? Султанша, продолжал его Величество, оборотясь к прекрасной Нурмагалѣ, от многих недѣль нахожусь я в замѣшательствѣ, избирая способнаго человѣка для толь важнаго мѣста; и теперь подвержен дѣйствителвно тому же случаю, как Шешіанцы; я удивляюсь, что я давно уже не примѣтил, что он был найден.

Ваше Величество не могли сдѣлать выбора, который бы принес больше чести вашему царствованію, отвѣчала Султанша.

Великій Пророк! вскричал Данишеменд, повергшись к ногам Султановым; прошу Ваше Величество подумать о том, что вы хотите сдѣлать. Мнѣ быть Итимаддулетом! Сія мысль приводит меня в трепет. Сдѣлайте меня

со

совсѣмъ другимъ чѣмъ нибудь, надзирателемъ надъ вашимъ собранiемъ бабочекъ, или предсѣдателемъ вашея Академiи, или надзирателемъ . . . надъ вашими индѣйскими пѣтухами, ежели надобно, чтобъ я былъ надзирателемъ! всемъ что вамъ угодно въ свѣтѣ, но только не Итимаддулетомъ! я весьма проникаю во все пространство сея должности . . .

Дурачекъ! отвѣчалъ Султанъ. Для того то ты имъ и будешь. Ты волю мою слышалъ. Завтра я представлю тебя въ диванѣ, и больше ни слова!

XIII.

Сей мiръ управляется столь малою мудростiю, сколь только всегда возможно, или чтобъ выразить по ученому, чрезъ *minimum* мудрости. Вотъ положенiе, которому

 отъ

отъ Нимврода и его Итимаддулета даже до сего дня непрерывнымъ преданіемъ отъ одного Султана и Итимаддулета долженствовало переходить къ другимъ, и которое, ежели оно столь справедливо, какъ утверждаютъ тѣ, которые почитаютъ себя знатоками въ томъ наилучшими, то можно бы было въ самомъ дѣлѣ доказать по славному положенію величайшаго домостроительства, *что міръ управляется такимъ образомъ, что нѣтъ способа въ немъ что нибудь перемѣнить.* Дѣйствительно знатоки стараются даже увѣрить насъ, что есть ли нѣкогда случалось, что *Эпиктитъ* сдѣлался Императоромъ подъ именемъ *Антонина*, или великимъ Канцлеромъ подъ именемъ *Томаса Мора*, то опытъ научаетъ, что вопреки всей мудрости сихъ высокаго разума мужей, дѣла не текли отъ того чувствительно лучше, нежели при обыкновенныхъ Императорахъ и великихъ Канцлерахъ:

рахъ: къ явному доказательству, что нѣкоторое *предопредѣленіе*, гораздо сильнѣйшее всякія человѣческія мудрости, умѣетъ соединять толь искусно обстоятельства и содѣйствующія причины, что мудрость помянутыхъ Эпиктитовъ бываетъ всегда, или весьма часто подобна шару, который ослабѣвъ отъ претерпѣннаго въ пути своемъ сопротивленія падаетъ безъ силы и дѣйствія, не достигнувъ на нѣсколько шаговъ поставленныя цѣли. И такъ изъ того выходитъ всегда то *minimum*, о которомъ недавно говорено, и котораго законовъ и обыкновеннаго теченія природы довольно къ содержанію міра въ его теченіи.

Предположа сіе, по крайней мѣрѣ не совсѣмъ будетъ то не понятно, что новый Итимаддулетъ Данишемендъ, . . . хотя, правду сказать, имѣлъ онъ мало или и совсѣмъ никакихъ изъ всѣхъ потребныхъ къ исполненію сея высокія должности ка-

чествѣ, *выключая добросердечіе и искренность*, и какъ наши прозорливые читатели примѣтили и сами, столько же разумѣлъ онъ о наукѣ правленія, сколько слѣпый о цвѣтахъ, ... однако съ помощію своего добраго Геніуса и случая игралъ свою ролю весьма сносно, и можетъ быть, со временемъ научился бы играть ее и превосходно, ежели бы Дервиши и Бонзы, которые не могли выбить у себя изъ головы, что онъ имѣлъ противу ихъ злыя намѣренія, не нашли средства учинить его подозрительнымъ Султану его Государю. На непорочнаго Данишеменда конечно думали напрасно; ибо никто не былъ столько удаленъ отъ желанія имъ зла, какъ онъ; онъ, который ненавидѣлъ смертельно и тѣнь несправедливости, и который не могъ бы смотрѣть на оскорбленіе послѣдняго Факира, не чувствуя сострадательныхъ движеній человѣчества. Но у сихъ господъ сіе положеніе не оспори-

римо, что человѣкъ, желающій учинить ихъ охотно лучшими людьми, на что они не благоволятъ, есть ихъ присяжный врагъ. Понеже при царствованіи Шах-Жебала имѣли они тѣмъ большее втеченіе, чѣмъ Султанъ былъ меньше къ нимъ склоненъ: то добросердечный Данишемендъ весьма еще былъ щастливъ, что онъ по потеряніи всѣхъ должностей, досталъ, ходатайствомъ прекрасныя Нурмагали, умѣренное содержаніе, которое привело его въ состояніе провождать дни старости своея въ отдаленіи отъ двора и отъ шума всякаго посторонняго дѣла. Тамъ могъ онъ разсуждать по волѣ о свѣтѣ, его забывшемъ, и часто смѣяться въ себѣ, столь чистосердечно, какъ *Демокритъ*, воспоминая все, что видѣлъ, а особливо помышляя, что онъ былъ придворнымъ Философомъ Шах-Жебала, надзирателемъ надъ Бонзами и царскимъ театромъ, біографомъ Шешіанскихъ Государей, и, что еще всего

го особливѣе, нѣсколько мѣсяцевъ и Итимаддулетомъ Индостана.

Мы надѣемся, что другъ нашъ Данишемендъ, своими *примѣчаніями*, *Эпизодомъ* (исторія въ комедіи) *объ Эмирѣ и дѣтяхъ природы и добрымъ произволеніемъ*, которое оказывается повсюду въ его повѣствованіи о Царяхъ Шешіанскихъ довольно заслужилъ благоволеніе читателя, чтобъ то малое отступленіе, къ коему подалъ онъ намъ случай, не имѣло нужды въ извиненіи. И такъ мы возвращаемся, не прибавляя ни слова, къ послѣдованію нашея повѣсти.

Возведеніе мудраго Данишеменда на степень перьваго Министра не отняло у него должности усыплять Султана своего Государя расказываніемъ примѣчанія достойныхъ дѣлъ Шешіанскихъ. И такъ при перьвомъ случаѣ принялись опять за исторію о перемѣнахъ, предпріятыхъ Тифаномъ для приведенія государства въ лучшее состояніе; и какъ Шах-Жебалъ

балъ оказалъ еще разъ желаніе слышать, что приключилось голубымъ и огневаго цвѣта Бонзамъ, то Данишемендъ повиновался волѣ его, повѣствуя слѣдующее:

Основанія и очищенныя чувствія, кои мудрый Ченгисъ вперилъ своему усыновленному воспитаннику о высочайшемъ изъ тѣхъ предметовъ, которые могутъ занимать душу смертныхъ, то есть, о *законѣ*, подаютъ надежду, что Тифанъ, какъ скоро возстановилъ всенародное спокойствіе и окончалъ не терпящія медленія дѣла, предался со всѣмъ усердіемъ истинному благочестію, для проповѣданія Шешіанскимъ народамъ, вмѣсто оплакиванія достойнаго суевѣрія, въ которомъ содержимы они были толико вѣковъ своими жрецами, закона разумнаго и сообразнаго истинному благу человѣчества. Надобно признаться, что онъ все то сдѣлалъ, чего по справедливости ожидать можно отъ такого законодателя, который невиноватъ былъ въ томъ,

что произшелъ на свѣтъ за нѣсколько тысячь лѣтъ до рожденія великаго нашего пророка.

Для достиженія къ своему намѣренію, предлежало ему учинить двѣ вещи. Должно было сперьва *истребить суепѣріе*, которое всегда показывало великой части народа, въ голубой или огневаго цвѣта обезьянѣ, священный предметъ древняго богопочитанія. . . . Потóмъ надлежало *найти средство* къ пріобученію Шешіанцевъ къ понятіямъ, достойнымъ всевышняго существа и къ *разумному богопочитанію*. Какъ то, такъ и другое показалось бы иному правителю чрезмѣрно труднымъ, а можетъ быть и совсѣмъ невозможнымъ. Но Тифанъ поступилъ въ семъ важномъ дѣлѣ, безъ всякаго вида къ выгодѣ, послѣдуя основаніямъ въ глубокомъ познаніи человѣка почерпнутымъ. Начертавъ планъ долгое время разсматриванный, поступалъ по оному медлительно, но не останавливаясь и съ твер-

твердостію. Онъ достигъ своего намѣренія, и . . . что удивительнѣе въ дѣлѣ сего рода, но однако есть ничто иное, какъ естественное слѣдствіе его благоразумнаго поступка . . . . . . успѣлъ, не произведя толь великою перемѣною самомалѣйшаго движенія въ государствѣ, и не проливъ ни капли крови ни одному Шешіанцу.

Онъ приступилъ къ сему дѣлу учрежденіемъ, по которому обѣ части, голубые и огневаго цвѣта должны были содержать миръ и терпѣть другъ друга взаимно. Тифанъ изобразилъ въ ономъ немногими словами, но во всей ужасности, бездну бѣдности, въ которую низвергнутъ былъ народъ, при Азорѣ и Исфандіарѣ, *безумнымъ усердіемъ и нетерпимыми положеніями.* Представя *духъ гоненія* во всей его гнусности: доказалъ, что человѣческія понятія не зависятъ отъ ихъ собственныя воли, ни отъ повелѣнія начальствующаго; что

что заблужденіе никогда грѣхомъ не бываетъ. Онъ утверждалъ, что никакій человѣкъ, никакій жрецъ, никакая власть въ свѣтѣ не можетъ имѣть права принуждать другихъ поступать противно ихъ убѣжденію и ихъ совѣсти; и что *кроткія и мирныя наставленія*, а наипаче *добрый примѣръ* суть единыя средства къ обращенію погруженныхъ въ невѣжествѣ на стезю правды и добродѣтели. Послѣдуя симъ основаніямъ, обѣщалъ онъ обѣимъ частямъ свое Царское покровительство, для продолженія свободнаго отправленія того богослуженія, къ которому они почитали себя обязанными въ своей совѣсти. Ежели случится нынѣ или впредь, что кто возымѣетъ лучшее о почитаніи всевышняго существа познаніе, нежели принятое доселѣ въ Шешіанѣ, то законодатель давалъ ему полную волю слѣдовать въ семъ своей совѣсти; объявя однажды навсегда, что всѣ мнѣнія, кои непро-

противны спокойствію государства и добронравію, могли ожидать равно его покровительства. Онъ выключалъ изъ сего всеобщаго терпѣнія только тѣхъ, кои будутъ столько нещастны, чтобъ почитать себя обязанными не подавать такія помощи никому, какія бы они себѣ пожелали. Такіе люди сами себя обвиняютъ. Поступая явно противу правилъ общежитія, неоспоримымъ образомъ доказываютъ они неспособность свою къ общественной жизни. Но мысль о ихъ наказаніи, лишая ихъ имѣнія, чести или вольности, отъ насъ да будетъ отдаленна. Они и такъ уже сожалѣнія достойны разсуждая такимъ образомъ. Однако они не могутъ надѣяться, чтобъ мы, безъ крайнія несправедливости, признавали ихъ членами нашея республики. Они могутъ, сколько ихъ ни есть, безъ всякаго притѣсненія отъ насъ или нашихъ подданныхъ удалиться отъ нашихъ границъ, со всѣмъ своимъ имѣ-

имѣніемъ, и искать себѣ жилищъ, гдѣ имъ будетъ угодно. Но не можно и не должно терпѣть въ Шешіанѣ никого, кто бы не былъ готовъ оказывать все то добро своему ближнему и согражданамъ, котораго онъ желаетъ, что бы ему оказывали.

Итимаддулетъ, сказалъ Шах-Жебалъ, учрежденія моего добросердечнаго брата Тифана имѣютъ особливый слогъ, который не походитъ на канцелярскій; но мнѣ кажется, слушать его пріятно. Онъ не довольствуется приказаніемъ; но убѣждаетъ человѣческій разумъ, что его повелѣнія чувствительно истинны и правы. Необходимо надобно, чтобъ онѣ хорошее имѣли дѣйствіе.

Учрежденіе Тифаново произвело изъ нихъ весьма хорошее, отвѣчалъ Данишемендъ. Оно отворило ему путь къ исполненію великаго его предпріятія и нечувствительно расположило умы ко взиранію безъ отвращенія на тѣ новости, къ которымъ

рымъ нѣкоторая часть Шешіанцевъ уже сама клонилась.

Вскорѣ поступилъ онъ далѣе. Во время царствованія своего въ Шешіанѣ, нашелъ онъ многихъ между Бонзами и также между самыми Іафаоу, которые разсуждали лучше прочихъ особъ своего чина, и которые не смотрѣли на то безъ внутренняго стыда, что служили орудіемъ ко вкорененію невѣжества и суевѣрія въ своемъ отечествѣ. Мало стоило труда обратить въ короткое время къ своему предпріятію всѣхъ жрецовъ сего рода. Увѣрясь совершенно въ великой изъ нихъ части, не усумнился онъ внушать мало по малу народу такія понятія, отъ коихъ могли со временемъ ожидать спасительнаго обращенія. Но онъ поступилъ въ семъ со всею нужною предосторожностію, какая требуется къ кроткому разрушенію вкоренившихся предразсужденій. Онъ довольствовался чрезъ нѣсколько времени, возведеніемъ Шешіанцевъ на выш-

вышшій степень *просвѣщенія и жара*, поучая ихъ той истиннѣ, которая ведетъ къ познанію бытія и совершенствѣ всевышняго существа и тѣхъ отношеній, кои удостоиваетъ оно полагать между собою и смертными. Сія истинна соединена была съ очищеннымъ нравоученіемъ. Усмотря, что они уже сами начали чувствовать суетность употребляемаго ими дотолѣ богопочитанія, еще съ меньшимъ трудомъ неумудренному ихъ разумѣнію доказано было, что они доселѣ водимы были въ заблужденіи. Сіе конечно не могло происходить безъ нѣкоторыхъ движеній. Сколь сіе ни должно не понятно казаться тому, кто недовольно испыталъ всея силы предразсужденія, однако то подлинно, что обѣ обезьяны все имѣли еще себѣ послѣдователей, старавшихся о ихъ спасеніи съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла. Тифанъ довольствовался только замѣчаніемъ оныхъ и утоленіемъ

усердія ихЪ кротчайшими способами, какЪ скоро хотѢлЪ преступить предѢлы умѢренности. НапротивЪ того нимало онЪ и не сумнѢвался покровительствовать ихЪ сЪ такимЪ же равнодушіемЪ противу всѢхЪ гоненій ихЪ противниковЪ; и вмѢсто того, что бы сему благоразумному поведенію остановить теченіе добрыхЪ его намѢреній, способствовало оно больше кЪ ихЪ ускоренію, удаляя такимЪ образомЪ препоны непримѢтно на пути встрѢчающіяся; и такЪ то, что при другомЪ поступкѢ было бы дѢйствіемЪ принужденія или безумнаго жара, было медлительно созрѢвающимЪ, но тѢмЪ совершеннѢйшимЪ и прочнѢйшимЪ плодомЪ *убѢжденія*.

Шешіанскіе историки упоминаютЪ при семЪ случаѢ *тайнаго богослуженія*, которое ТифанЪ сЪ помощію жрецовЪ своея стороны, установилЪ для всѢхЪ тѢхЪ, кои объявляли себя склонными кЪ отверженію отЪ поклоненія обѢимЪ обезьянамЪ; но изЪясняются о семЪ

дѣлѣ толь темно, что не возможно сказать о томъ ничего подробнаго. Все, о чемъ можно догадываться, состоитъ въ томъ, что сіе тайное богослуженіе имѣло великое сходство съ *Египетскими и Греческими тайнами.* Главное намѣреніе его состояло убѣждать *новообращенныхъ*, частію *Символическими изображеніями*, частію *ясными поученіями* о суетности идолослуженія. Потомъ обѣщались посредствомъ нѣкотораго рода торжественнаго обязательства основательнымъ истиннамъ естественнаго закона, исполнять наилучшимъ образомъ долгъ человѣка и гражданина. Особливо *новообращенные* должны были наблюдать всеобщую кротость и терпѣніе заблуждающихъ, но въ разсужденіи всего другаго, ими видѣннаго и слышаннаго при сихъ тайнахъ надлежало, что бы обѣщали они хранить ненарушимое *молчаніе*, до конечнаго истребленія идолослуженія изъ Шешіана. Сіе учрежденіе, говорятъ историки, подѣйствовало болѣе всего прочаго къ испол-

исполненію великихъ намѣреній мудраго Тифана. Желаніе быть допущену къ симъ тайнамъ премѣнилось у Шешіанцевъ мало по малу въ страсть; и чѣмъ болѣе представляли имъ затрудненія, тѣмъ болѣе было желаніе участвовать въ такомъ дѣлѣ, которое, по тайному и торжественному образу, съ коимъ оно отправлялось, казалось имъ безмѣрныя важности. Въ самомъ дѣлѣ Тифанъ, стараясь о похищеніи у Шешіанцевъ чувственныхъ предметовъ прежняго мнимаго ихъ богослуженія, принужденъ былъ, на мѣсто оныхъ, вчинить что нибудь другое, могущее надлежащимъ образомъ тронуть ихъ чувства и воображеніе; и должно признаться, что онъ не могъ бы найти свойственнѣйшаго способа къ достиженію намѣреннаго конца, ни самимъ собою невиннѣйшаго; можетъ быть впрочемъ его тайны потеряли бы въ послѣдованіе послѣднѣйшее сіе свойство, ежели бы онъ не употребилъ предосторо-

жности уничтожить съ самой тоя минуты закона о молчанiи, какъ увидѣлъ, что поклоненiе всевышнему существу въ Шешiанѣ сдѣлалось господствующимъ. И спасительно бы было для сего государства, ежели бы показалъ онъ столько же осмотрительности въ опредѣленiи чина жрецовъ, и ежели бы чрезъ самый тотъ же чинъ, чрезъ который хотѣлъ онъ ихъ сдѣлать *полезными гражданами государства*, не подалъ имъ опаснаго случая сдѣлаться въ послѣдствiи нечувствительно онаго владыками.

Ахъ что это! сказалъ Шах-Жебалъ, качая головою, что я слышу! Кто бы надѣялся сего отъ такого Султана, какъ Тифанъ?

Въ самой вещи не можно не сказать того, что обыкновенное его благоразумiе нѣсколько оставило его въ семъ случаѣ. Но сiе можетъ служить къ его извиненiю, что въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ онъ находился, трудно было поступить

пить лучше. А есть ли сего не-довольно, то какій бы законодатель имѣлъ довольно разума, для пред-усмотренія всѣхъ возможныхъ зло-употребленій своихъ законовъ и для постановленія наисильнѣйшихъ средствъ къ отвращенію ихъ въ са-момъ началѣ? Тифанъ, для важныхъ причинъ, отнялъ у Бонзъ попеченіе о народномъ воспитаніи юношества, и почелъ себя обязаннымъ поручить имъ другую должность, которая бы сохранила къ нимъ пристойное ува-женіе и въ тоже самое время обя-зала ихъ необходимостію способ-ствовать, волею и по принужденію, народному благу. И такъ онъ опре-дѣлилъ ихъ, какъ думаю, выше я сказалъ, къ поученію народа пра-вамъ и должностямъ, содержащим-ся въ уложеніи. Онъ почиталъ, что не возможно глубже впечатлѣть законамъ свойства ненарушимости, какъ когда онъ поученіе въ оныхъ отнесетъ къ существенной части бого-*служенія*. Онъ думалъ, что пред-

упредилъ пагубныя слѣдствія, могущія произойти отъ сего учрежденія, показывая въ самомъ уложеніи весьма ясно жрецамъ, чтобъ совершенно воздерживаться отъ всякаго самопроизвольнаго истолкованія, расширенія или ограничиванія, какъ и отъ всѣхъ хитрыхъ вопросовъ и раздѣленій, а ограничиваться на одномъ простомъ смыслѣ закона, на дѣйствительномъ употребленіи, сообразномъ его разуму и на стараніи о внушеніи народу, съ поражающимъ краснорѣчіемъ, тѣхъ побужденій, которыя обязываютъ его къ набожному наблюденію онаго. Слѣдовательно, по его предписанію уложеніе долженствовало токмо быть свиткомъ нравственнаго поученія гражданъ. Но какъ было весьма трудно, дабы не сказать не возможно, оградить жрецовъ физическою невозможностію, къ преступленію предписанныхъ имъ границъ, то случилось, хотя весьма долгое время спустя по Тифанѣ, что жрецы нашли способъ сдѣлаться нечувстви-

тель-

тельно изъ *учителей закона* истолкователями ; изъ истолкователей *судьями* ; а изъ судей, къ великому нещастію Шешіанцевъ, напослѣдокъ самыми *законодателями*; . . какъ я буду имѣть честь расказывать сіе въ свое время Вашему Величеству, ежели продолженіе сея исторіи будетъ угодно.

Однако, кажется Тифанъ все сіе по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ самъ предвидѣлъ, и потому чувствовалъ необходимость учинить добрыми людьми, сколько возможно, всѣхъ членовъ ордена, имѣвшаго столь важное впеченіе въ государство. По чему, уничтоживъ навсегда наслѣдственное священство, приложилъ онъ совсѣмъ особливое стараніе о воспитаніи будущихъ жрецовъ. Непремѣнно надлежитъ приписать хорошимъ его учрежденіямъ, что онъ самъ имѣлъ еще удовольствіе, видѣть въ своей старости исходящихъ изъ своихъ училищъ жрецовъ, преуспѣвшихъ въ

такомъ обученіи, какого свѣтъ до него и послѣ него рѣдко только видывалъ. Достойные служители благодѣтельнаго божества, казалось, не знали никакого другаго желанія кромѣ оказанія благотвореній. Важность сана ихъ возвышала и дѣлала благороднымъ нравственное ихъ свойство, не внушая въ нихъ гордости; а примѣръ жизни ихъ дѣлалъ почти излишнимъ всякое другое наставленіе. Мудрость ихъ была воздержна, кротка и униженна. Неухищренная, нелицемѣрная и безкорыстная ихъ добродѣтель была плодъ блаженнаго согласія сердца ихъ съ ихъ совѣстію; она просвѣщала другихъ, не хотя быть видима и не имѣла нужды въ безуміи заимственныя важности. Человѣколюбіе и патріотическій духъ были общею душею всего ихъ ордена. Всякое общеполезное предпріятіе находило въ нихъ усерднѣйшихъ своихъ покровителей. Ясность души ихъ, всегда себѣ подобная, великія

и

и благородныя чувствія, коими они были оживленны, всегдашнее упражненіе въ созерцаніи истинны и въ добродѣтели, въ состояніи свободномъ отъ всѣхъ житейскихъ попеченій, *лѣгкость*, съ коею отправляли они всѣ свои должности, и нравственная *прелесть*, по всей жизни ихъ простирающаяся, стекались на содѣланіе ихъ достойными учителями народа, истинными мудролюбцами, совершеннымъ примѣромъ нелицемѣрныя добродѣтели, богами защитниками благихъ нравовъ и предметами всенароднаго почитанія.

Итимаддулетъ, сказалъ Шах-Жебалъ, доставь мнѣ подобныхъ жрецовъ, и тогда пускай посмотрятъ, непріятель ли я сего ордена, какъ то нѣкоторые злословятъ. У тебя есть рецептъ, какъ можно ихъ дѣлать; для чего не возможно учинить того въ Индостанѣ, что было возможно въ Шешіанѣ?

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, что я намѣренъ ска-

 зать,

зать, покажется вамъ однимъ изъ тѣхъ наисумнительныхъ положеній, которыхъ, можетъ быть, никогда не утверждалъ Философъ; однако нѣтъ его справедливѣе. Повѣрили ли бы, Ваше Величество, что сіе изящное качество Шешіанскаго духовенства было потóмъ причиною паденія Тифанова законодательства, и привлекло наконецъ, долгимъ послѣдованіемъ посредствующихъ причинъ, паденіе всему государству.

Какимъ образомъ могло сіе статься, господинъ Данишемендъ?

Самымъ естественнымъ. Толь разумные жрецы, люди толь честные и любви достойные, какъ тѣ, коихъ произвели Тифановы учрежденія, должны были всеконечно достигнуть мало по малу такого степени почтенія, который учинилъ ихъ всѣхъ сердецъ владыками. Искали дружбы ихъ съ крайнимъ стараніемъ; желали ихъ обхожденія; требовали ихъ совѣтовъ; наконецъ не предпринимали никакого дѣла, ни вели-

великаго, нижѐ малаго, не вопрося жреца. Они стали посредниками во всѣхъ раздорахъ, совѣтниками у вельможъ, а нѣкоторые изъ нихъ возвысились, славою о своей добродѣтели и дарованіяхъ, на величайшія государственныя достоинства. Сего, думаю, довольно для изъясненія моея загадки. Теперь можно узнать, что далѣе послѣдовало. Жрецы Шешіанские были *люди* . . . . чего еще больше надобно?

О мерзость! . . . . вскричалъ Шах-Жебалъ, принявъ нѣкоторый видъ комическаго негодованія, который былъ Его Величеству не непристоенъ. Дѣйствительно худо съ сими господами! Когда они злонравны, то . . . злоба ихъ восходитъ обыкновенно до такого степени, что не находятъ способовъ къ отвращенію оныя; а когда добродѣтельны, то становятся опасны для государства своими добродѣтелями! Право, желалъ бы я . . . но что помогаетъ желать? Безъ нихъ обойтись не можно, . . . ибо, между нами будь сказано, Дани-

ще-

шемендъ, я больше одной ночи въ моей жизни ломалъ голову, разсуждая, какъ бы мнѣ начать поблагодарить ихъ одинъ разъ навсегда за будущія ихъ услуги; но я твердо увѣренъ, что не надобно больше о томъ думать; отъ нихъ столь же трудно отдѣлаться, какъ и . . . . Въ семъ мѣстѣ Султанъ остановился, и по долгомъ медленіи не примолвилъ ничего.

Ваше Величество хотите сказать, какъ и отъ всѣхъ прочихъ состояній, начиная отъ Султановъ и ихъ Визирей даже до водовозовъ и дровосѣковъ. Но какое состояніе человѣческое можетъ пребыть долгое время въ надлежащихъ себѣ предѣлахъ? Шешіанскіе жрецы были не одни, кои мало по малу развратились; и они никогда не достигли бы того, чтобъ сдѣлаться тираннами, а наконецъ и раззорителями государства, ежели бы другія состоянія пребыли вѣрны своему свойству и должностямъ. Однако довольно того для чести духовенства и сла-

вы Тифанова законоположенія, что они были около двухъ сотъ лѣтъ по его смерти еще всегда наилучшіе Шешіанскіе обитатели; и вообще, есть ли выключить сельскихъ жителей, были послѣдніе, кои отдались стремленію разврата, который нечувствительно овладѣлъ, при его преемникахъ, дворомъ, столицею, а наконецъ и всѣмъ народомъ.

Учиненное толь щастливо Тифаномъ исправленіе закона государства своего была безъ сумнѣнія наиважнѣйшая услуга, которую токмо онъ могъ оказать своимъ подданнымъ. Онъ возстановилъ чрезъ то мирное согласіе между *закономъ* и *правительствомъ*, между *должностями* перьваго и *выгодами* другаго, между *вѣрою*, *разумомъ* и *добронравіемъ*; сіе согласіе было источникомъ безчисленныхъ благъ, и слѣдственно само по себѣ неоцѣненное благо, ибо истребляло все то зло, кое происходитъ отъ недостатка подобнаго согласія въ большей части государствъ. Должно также согласиться, что благоразуміе, съ ко-

коимЪ поступалЪ онЪ вЪ семЪ дѣлѣ, заслуживаетЪ вниманіе всѣхЪ государей, могущихЪ находиться вЪ подобныхЪ обстоятельствахЪ. Однако онЪ не достигЪ бы своего намѣренія, или есть ли бы достигЪ, то только весьма несовершенно, когда бы, однимЪ достойнѣйшимЪ примѣчанія повелѣніемЪ своего уложенія, не уничтожилЪ совершенно всѣхЪ тѣхЪ степеней и обществЪ, которыя не были одобрены и почитаемы полезными членами государственныя цѣлости. Іафаоу были изЪ сего числа первые.

Сколько можно разсудить о томЪ изЪ нѣкоторыхЪ обстоятельствЪ, то подробное сказаніе о средствахЪ кЪ полученію вЪ семЪ успѣха было бы вещію весьма забавною; но по нещастію сего не обрѣтается вЪ рукописи. . . .

Еще не обрѣтается, вскричалЪ Шах-ЖебалЪ, сЪ нетерпѣливостію, и всегда того, что мнѣ знать весьма надобно! Я сказываю, что мнѣ ужѐ это скушно, и . . . . однимЪ словомЪ, другЪ мой ДанишемендЪ,

я ничего упустить не хочу, слышишь ты? Когда чего не достаетъ въ твоихъ рукописяхъ, то дополняй, какъ можешь. Короче . . . я хочу черезъ три дни видѣть у себя на столѣ весь тотъ планъ, коему послѣдовалъ Тифанъ въ семъ дѣйствіи, или . . . . я мо́ю руки слѣдствіями, могущими изъ того произойти!

Итимаддулетъ обѣщалъ, полагая ру́ки на свою голову, повиноваться волѣ своего верьховнаго владыки, и начерталъ на сей конецъ весьма пространный планъ, который немало понравился Султану, когда онъ, считая листы, его перебѣжалъ. Не взирая на сіе, сумнительно, чтобы Его Величество могло когда найти время на прочтеніе онаго съ начала до окончанія. Извѣстно только то, что Дервишъ *Цикцакъ*, послѣдовавшій мудрому Данишеменду въ достоинствѣ Итимаддулета, нашелъ сіе начертаніе между тѣми бумагами, отъ которыхъ Султанъ приказывалъ по времени очищать свой

столъ

столЪ. Оно было еще совсѣмЪ ново и положено вЪ позолоченую кожу, и что отЪ сего часа не слышно было о немЪ ничего больше.

XIV.

ВЪ нѣкоторыя изЪ послѣдующихЪ ночей ДанишемендЪ предлагалЪ весьма обстоятельно Султану своему Государю о образѣ, по которому ТифанЪ расположилЪ *общенародное воспитаніе*. ПредметЪ сей вЪ очахЪ Шешіанскаго *Ликурга* важнѣйшій, составлялЪ знатную часть его уложенія. О сей матеріи столько писано вЪ то время, когда появилась на свѣтЪ сія исторія, что казалось не возможно что либо вновь прибавить. Говорить о томЪ болѣе, поставили бы почти вЪ грѣхЪ, поелику имѣли причину опасаться, что бы публика, отягчась появившимися писаніями о воспитаніи, не была не вЪ состояніи предохранить себя отЪ

того

того отвращенія, которое бываетъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ излишества, и не перестала болѣе слушать о всемъ до того касающемся. Сіе было бы весьма простое средство къ отвращенію въ началѣ плодовъ всѣхъ тѣхъ трудовъ, которыми доселѣ занималисъ для исправленія сея важныя части общенароднаго домостроительства. Понеже, какъ по сему разсужденію, такъ и *потому*, что всякое благо, о коемъ можно сказать *вообще* въ сей матеріи, должно быть извѣстно нашимъ читателямъ изъ другихъ источниковъ, то мы надѣемся сдѣлать имъ одолженіе, сокращая, сколько возможно, пространное повѣствованіе многорѣчиваго Данишеменда.

„Государство, говоритъ Тифанъ, начиная главу о воспитаніи, можетъ быть весьма худо „учреждено, съ наилучшими законами, наилучшею вѣрою, при цвѣтущемъ состояніи наукъ и художествъ, есть ли законодатель о-

 „пу-

„пустишЪ, по незнанію, хотя од-
„но такое учрежденіе, отЪ кото-
„раго зависятЪ всѣ прочія, . . воспи-
„шаніе юношества. Превосходное учре-
„жденіе судопроизводныхЪ мѣстЪ не
„дѣлаетЪ совѣстнымЪ стряпчаго,
„и судью нелакомымЪ; лучшая вѣра
„не можетЪ воспрепятствовать не-
„достойнымЪ служителямЪ, упо-
„треблять онаго кЪ прикрытію наи-
„ужаснѣйшихЪ беззаконій и кЪ
„исполненію наивреднѣйшихЪ намѣ-
„реній. Наиразумнѣйшіе благоустрой-
„ственные законы весьма мало мо-
„гутЪ дѣйствовать, когда любовь кЪ
„отечеству и доброму порядку, у-
„мѣренность, честность и искрен-
„ность суть странныя для гражданЪ
„добродѣтели. Наипревосходное го-
„сударственное учрежденіе не мо-
„жетЪ возпрепятствовать Государю
„сдѣлать свои народы нещастными
„безпокойнымЪ духомЪ, беспеч-
„ностію, и небреженіемЪ своего
„свойства, или какою нибудь нераз-
„умною страстію. Все зависитЪ

„отЪ

„ отъ *наставленія всякаго человѣ-*
„ *ка въ добродѣтеляхъ его состоя-*
„ *нію и званію свойственныхъ.* Ко-
„ гда же надлежитъ, и когда луч-
„ ше можно предпріять сіе важное
„ дѣло, есть ли не въ томъ возрастѣ,
„ когда душа, отверстая всякому
„ впечатлѣнію и паря нерѣшимо ме-
„ жду добродѣтелію и порокомъ,
„ исполняется благородными чувство-
„ ваніями, пріобучается къ добрымъ
„ основаніямъ, утверждается въ до-
„ бродѣтельныхъ обычаяхъ столь же
„ легко, какъ и предавшись ме-
„ ханическому влеченію чувственныхъ
„ желаній, огню страстей, и
„ прилипчивости худыхъ примѣ-
„ ровъ, принимаетъ зловред-
„ ное впечатлѣніе безумія и безза-
„ конія. Государственное совершен-
„ ство и блаженство народное зави-
„ сятъ совершенно отъ благонра-
„ вія. Законоположеніе, вѣра,
„ благоустройство, науки и художе-
„ ства могутъ, по справедливости,
„ споспѣшествовать и сдѣлаться

„ какъ

„ какъ бы *оградою нравовъ*; но
„ есть ли нравы *развращенны*, то
„престаютъ и они производить доброе
„ дѣйствіе. Стремленіе разврата
„ опровергаетъ сіи ограды, ослаб-
„ ляетъ законы, безобразитъ вѣру,
„ препятствуетъ успѣху полезныхъ
„ наукъ, уничижаетъ художества
„ даже до того, что дѣлаетъ ихъ
„ невольниками глупости и роскоши.
„ Одно воспитаніе производитъ
„ нравы: его посредствомъ надле-
„ житъ, чтобъ чувствованіе изящ-
„ наго, привычка порядка, вкусъ до-
„ бродѣтели, отечественный духъ,
„величественная народная гордость(*),
„ пре-

(*) Находится непристойная и ребяческая *народная гордость*, которая есть неоспоримо народный порокъ равно смѣшный и опасный, и слѣдственно весьма несносный. Но находится также *гордость народная* добродѣтельная, безъ которыя бы Греки не увидѣли никогда временъ Перикловыхъ, Римляне Сципіоновыхъ, Агличане добросердечныя

„ презрѣніе нѣжности, и всего при-
„ крашеннаго, искусствомъ прикры-
„ таго, и маловажнаго, любовь про-
„ стоты и естественнаго со всѣми
„ человѣколюбивыми, общественными
„ и гражданскими добродѣтелями;
„ его посредствомъ, говорю, чтобъ
„ сіи качества овладѣвали сердцами
„ гражданъ. Посредствомъ онаго
„ мужи становятся *мужами*, жены
„ *женами*, всякій особенный классъ

 „ го-

ныя своея Королевы Елисаветы. Безъ нея народъ есть не что иное, какъ великая *толпа* людей, находящихся вмѣстѣ, подобно путешествующимъ въ наемной колясκѣ. Безъ нея народъ остается и долженъ остаться на вѣкъ существомъ презрительнымъ, безъ всякія славы, силы, храбрости, вкуса и лишается всего могущаго вывести оный изъ мрака, покрывшаго уже толико народовъ, какъ другъ нашъ Циммерманнъ доказалъ убѣдительно въ своемъ *изрядномъ описаніи народныя гордости*.

„ государства бываетъ тѣмъ, чѣмъ
„ ему быть должно. *Воспитаніе* .. слы-
„ шите, о! вы, кои пріимите престолъ
„по Тифанѣ! *Воспитаніе есть первое,*
„ *важнѣйшее и существеннѣйшее го-*
„ *сударственное дѣло,* достойнѣйшее
„ и важнѣйшее стараніе Государя.
„ Когда общенародное воспитаніе
„ достигло возможнѣйшаго степени
„ своего совершенства, тогда все
„ проччее бываетъ дѣтскою игрущ-
„ кою. Тогда законы шествуютъ
„ сами собою; вѣра, въ простой своей
„ и чистѣйшей величественности,
„ пребываетъ, чѣмъ должно оной
„ быть на вѣки, *душею добродѣте-*
„ *ли и твердымъ подкрѣпленіемъ*
„ *человѣческаго разума*; науки ста-
„ новятся неисчерпаемымъ источни-
„ комъ дѣйствительныхъ для об-
„ щества выгодъ, искуства украша-
„ ютъ жизнь, облагороднивают чув-
„ ствованіе, бываютъ ободреніемъ добро-
„ дѣтели. Кажды классъ гражданъ ос-
„ тается вѣрнымъ своему опредѣленію;
„ всеобщее раченіе, подкрѣпляемое

„ умѣ-

„ умѣренностію и добрымъ домо-
„ строительствомъ, доставляетъ без-
„ численному народу безопасность
„ отъ недостатка и дѣлаетъ его
„ своимъ состояніемъ довольнымъ.
„ Но какъ скоро вознерадите вы о
„ тѣхъ предуготовленіяхъ, отъ ко-
„ торыхъ совершеннѣйшаго распоря-
„ женія и частаго оживленія за-
„ висятъ толь великія выгоды, то
„ всѣ прочія пружины государства
„ придутъ нечувствительно въ бес-
„ порядокъ; паденіе воспитанія на-
„ влечетъ растлѣніе нравовъ; а за
„ симъ, когда вы не будете доволь-
„ но благоразумны, дабы заблаго-
„ временно открыть источникъ зла
„ и заградить оный, воспослѣдуетъ
„ неминуемо паденіе государства.

По мнѣнію Тифанову, менѣе надлежало въ воспитаніи обучать молодыхъ гражданъ нѣкоторымъ наукамъ и художествамъ, . . . хотя и сія часть не была пренебрегаема въ разсужденіи предопредѣленія каждаго человѣка, ... нежели на-

ставлять всякій частный классъ въ *добродѣтеляхъ* будущаго его состоянія, и всѣ вообще въ каждой добродѣтели общественныя и политическія жизни. Весь планъ воспитанія къ сему великому концу стремился; все въ ономъ было практическое; училище не составляло, какъ во многихъ другихъ государствахъ, особливаго зависящаго токмо отъ себя, а съ правительствомъ весьма слабою нитью соединеннаго основанія. Напротивъ того въ Шешіанскихъ училищахъ все относилось *къ будущимъ употребленіямъ*; и юношество не было обучаемо ничему такому, чего паки забыть не могло безъ вреда.

Тифанъ повелѣлъ, дабы въ Шешіанскомъ государствѣ мальчики воспитывались публично. Напротивъ того дѣвицы, опредѣленныя провождать дни свои въ тѣснѣйшемъ округѣ домашнія жизни должны были воспитываться особенно своими матерями или ближайшими сродницами. Между первыми находились одни

токмо *царскіе сынопья*, а между другими однѣ только тѣ, которыя въ особливомъ смыслѣ назывались *пріемныя Царицыны дочери*, изключались изъ общаго пра́вила. Ибо сіи послѣднія подобно мальчикамъ, воспитывались въ особливыхъ домахъ, на сіе опредѣленныхъ, подъ смотреніемъ самой Королевы. Ихъ наставляли тамъ къ простой, трудолюбивой и невинной жизни, пристойной ихъ званію; пріобучали ко всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ, безъ которыхъ не возможно быть честною супругою и доброю матерію. Все то, что обыкновенно противуполагаютъ сему роду заведеній, было здѣсь невмѣстимо. Онѣ содержались съ толикимъ охраненіемъ, что выключая всеобщаго растлѣнія нравовъ въ Шешіанѣ, не возможно было вкрасться туда примѣтному поврежденію. Источникъ погрѣшностей, усматриваемыхъ въ сихъ общенародныхъ училищахъ, происходитъ отъ весьма скуднаго ихъ снабдѣнія. Употребляемыя къ онымъ особы, часто не имѣютъ потребныхъ качествъ къ

 испо-

исполненію толь благороднаго званія. Они толь мало участвуютъ въ почтеніи народномъ, что не удивительно, есть ли большая оныхъ часть имѣетъ подлыя свойства и разсуждаетъ худо. Они бываютъ толь худо награждаемы, что еще меньше удивляться должно, когда люди безъ положеній и добродѣтели стараются поправить собственное свое состояніе на щетъ тѣхъ, кои имъ ввѣрены. Чему не можно быть (когда довольствуютъ нужды сихъ послѣднихъ со всевозможною умѣренностію) что бы не допустить ихъ въ необходимомъ терпѣть недостатокъ. Установленія Тифановы о воспитаніи бѣдныхъ младенцевъ обоего пола заслуживали имя *царскихъ* установленій въ собственномъ разумѣ. Все было употреблено, что могло способствовать къ ихъ совершенству. Домы на сіе посвященные, были обширныя и порядочно раздѣленныя зданія, на здоровомъ мѣстоположеніи, украшенныя прекрасными садами и великолѣпными для прогуливанія дорогами. Каждое изъ оныхъ имѣ-

имѣло собственнаго своего врача, который въ тожъ самое время былъ перьвый надзиратель всего дома и человѣкъ отличнаго достоинства. Дѣтская пища была здорова, довольна и хорошо приготовлена; платье ихъ просто, но чисто и изрядно. Хотя они были токмо дѣти поденщиковъ и бѣдныхъ людей, однако такое прилагали о здоровьѣ ихъ стараніе, какъ бы они были дѣти перьваго Шешіанскаго дворянства. Ибо чистота, говорилъ мудрый Тифанъ, необходимо потребна для здоровья; а безъ сего человѣкъ бываетъ для себя и другихъ бесполезенъ. Мнѣ кажется, сказалъ Данишемендъ, что Тифанъ во всемъ семъ явилъ себя истиннымъ отцемъ своего народа; и я бы покорнѣйше совѣтовалъ тѣмъ Государямъ, которые, заводя подобныя училища, употребляютъ на нихъ меньше его вниманія, ихъ совсѣмъ оставить (*).

Кро-

(*) Есть въ домостроительствѣ нѣкоторыя весьма простыя правила, которыхъ

Кромѣ сего, Тифанъ учредилъ для каждаго важнѣйшаго класса гражданъ особливое воспитаніе. Крестьянскія дѣти не имѣли нужды, по мнѣнію его, въ глубокомысленномъ наставленіи. Въ нихъ природа дѣйствуетъ паче всего прочаго. Они никогда не развращаютъ нравовъ въ государствѣ. Всѣ потребныя имъ добродѣтели суть, нѣкоторымъ образомъ, естественные плоды образа ихъ

рыхъ пренебреженіе не должно почитать за бездѣлицу. На примѣръ, знатный господинъ употребляетъ на нѣкоторое предпріятіе десять тысячь рублей, коего съ сею суммою совершенно исполнить будетъ не можно, то есть *онъ успѣетъ мало, или совсѣмъ ничего*. Требуется еще двухъ тысячь рублей на окончаніе онаго; но онъ сберечь ихъ хочетъ. Сего должно быть довольно, говоритъ онъ, не разсуждая, что для сохраненія двухъ тысячь рублей, *теряетъ десять тысячь*, ибо лишается тѣхъ выгодъ, которыя искалъ получить отъ послѣдняя сея суммы.

ихъ жизни. Есть ли не дѣлаютъ ихъ жестокостію и притѣсненіемъ злобными, или есть ли худымъ примѣромъ городовъ они не заражаются, то они, съ простыми, но здравыми понятіями и чувствіями, коими обязаны единой природѣ и общему разуму, суть непорочнѣйшіе на землѣ люди. Самое ихъ невѣжество бываетъ для нихъ блаженствомъ, ибо оно есть состояніе добродѣтелямъ ихъ и спокойствію потребное: откровенныя понятія, отонченныя чувствованія, физическія и механическія познанія, или ученая теорія сельскаго хозяйства или совсѣмъ не для нихъ изобрѣтены, или послужатъ имъ въ весьма малую пользу. Молодый крестьянинъ можетъ лучше лучшаго испытателя натуры познать правила земледѣлія и деревенскаго хозяйства отъ своего отца и дѣда. Стараться о внушеніи ему сихъ правилъ ученымъ образомъ было бы столь же неразумно, какъ хотѣть учить его Риторикѣ и Логикѣ, чтобъ

онъ

онъ зналъ красиво изъясняться и дѣлать умоключенія. По сему разсужденію Тифанъ ограничилъ наставленіе, приличествующее крестьянскимъ дѣтямъ, наукою читать, писать и исчислять, простѣйшими познаніями закона и нравоученія и изъясненіемъ изрядному календарю, который приказалъ сочинить своей Академіи наукъ, для ихъ употребленія. Все же прочее, что оставалось учинить, для обученія сихъ людей ихъ отношеніямъ въ разсужденіи правительства, ихъ преимуществъ и какъ гражданскихъ, такъ и домашнихъ ихъ должностей, было препоручено жрецамъ, которыми Тифанъ снабдилъ каждую деревню. Сей жрецъ представлялъ вкупѣ первую верьховную особу своего мѣста, и былъ снабженъ весьма точно опредѣленнымъ *наставленіемъ*, какимъ образомъ надлежало ему отправлять сугубую сію должность.

Что напротивъ того касается до жителей городскихъ, которые родомъ жи-

зни

зни ихъ и опредѣленіемъ отдаляются гораздо далѣе, нежели поселянинъ отъ перьвороднаго состоянія естества, о сихъ Тифанъ разсудилъ, что они вообще больше имѣли нужды въ вышшемъ степени просвѣщенія, мудрости, окончения и вычищенія. Чѣмъ болѣе число людей, говоритъ онъ, въ единомъ мѣстѣ обитающихъ, тѣмъ сильнѣе внутреннее возмущеніе и соудареніе, происходящее отъ разности склонностей ихъ, страстей, предпріятій и выгодъ; чѣмъ труднѣе между толикимъ разногласіемъ сохранить нужное для общаго блага единомысліе, тѣмъ легче можетъ вкрасться между ими всякаго рода развратъ, и чѣмъ быстрѣе сія нравственная зараза распространяется и дѣлается злобнѣе: тѣмъ кажется яснѣе, что нужно изъ воспитанія гражданскаго сдѣлать *наставленіе политическое* и направлять все, къ оному относящееся, къ великому предпріятію, учинить городское юношество *людьми обходительными и*

до-

добрыми гражданами. По сему основанію учили ихъ наипаче *нравоученію*, *учрежденію*, законамъ и Шешіанской исторіи. Сіи наставленія составляли существеннѣйшую часть воспитанія, и *всѣмъ молодымъ гражданамъ общаго*; и хотя способъ и откровеніе ученія сходны были съ разностію тѣхъ состояній, къ коимъ каждаго изъ нихъ опредѣляли, однако не оставляли старанія о учиненіи юношества нижнихъ классовъ усерднымъ къ отечеству, котораго настоящее состояніе было толь щасливо. Наставляли его въ повиновеніи законамъ, коихъ премудрость просвѣщала его понятіе; старались о учиненіи его способнымъ къ споспѣшествованію всеобщему благу, съ которымъ его собственное было соединено нераздѣльно. Сверьхъ сего Тифанъ почиталъ за нужное и пристойное дѣло, чтобъ всякій гражданинъ, къ какому бы онъ ни принадлежалъ классу, зналъ *природный свой языкъ*; что бы обученъ

былъ

былъ читать съ разсужденіемъ и вкусомъ нѣкоторыхъ лучшихъ своего народа писателей, которыхъ присоединилъ нарочно къ числу *учебныхъ книгъ*. Его мнѣніе было въ томъ весьма разумно, что народъ, имѣющій право почитать себя превосходнымъ предъ Самоѣдами и Камчадалами, долженъ природнымъ своимъ языкомъ говорить исправно и красиво; и какъ молодые Шешіанцы, по щастію, не были обязаны обучаться никакому иностранному языку, то тѣмъ съ большею удобностію могли узнать свой въ такомъ степени, какимъ малое число самымъ ученыхъ могутъ похвалиться у другихъ народовъ. Другое еще обстоятельство, отличающее заведенныя Тифаномъ училища, состояло въ томъ, что сей законодатель составилъ изъ наставленія и упражненія *въ учтивости* существенную часть общенароднаго воспитанія. Онъ почиталъ ее оградою народнаго спокойствія, крѣпчайшею плотиною противу всякаго

 ро-

рода озлобленій и насилія страстей, и слѣдовательно надежнѣйшимъ средствомъ къ избавленію правосудія непріятнаго старанія . . . *и правительства отъ предоноснаго теченія* . . множественныхъ казней. Должно признаться, что она кажется быть наинужнѣйшею политическою добродѣтелію въ толь многочисленномъ народѣ, а особливо для нижнихъ классовъ. Въ семъ намѣреніи Тифанъ сочинилъ особливый уставъ для всѣхъ состояній, классовъ и всякаго возраста. Онъ содержалъ всѣ особливые случаи; и Шешіанцы толь механически и толь точно къ оному были прилеплены, что сіе стало наконецъ ихъ другою природою. Можетъ быть Китайцы, кои отъ сихъ послѣднихъ оный заняли, произвели дѣло очень далеко, какъ дѣлаютъ обыкновенно и всѣ подражатели; но великія выгоды, отъ онаго для благоустройства происходящія могутъ намъ дать знать, колико сія часть Тифанова законо-

по-

положенія должна быть изрядна и полезна въ своемъ началѣ.

Посилѣ закона, составляющаго основаніе Шешіанскаго правленія, дѣти оставались въ классѣ своего отца. Сихъ всеобщихъ классовъ положено было семь, то есть: дворянство, ученые, художники, купцы, ремесленики, крестьяне и поденщики. Шесть перьвыхъ раздѣлялись еще на разные другіе; но послѣдній, который почиталъ Тифанъ главнымъ *орудіемъ къ народоразмноженію*, и коего дѣти, какъ принадлежащія преимущественно правительству, о чемъ уже сказано, были воспитываемы на иждивеніи общенародномъ, нѣкоторымъ образомъ изъ сего закона изключались. Когда между дворянствомъ, раздѣленнымъ на знатное и мѣлкое, какое благородное поколѣніе прекращалось, то главные другихъ поколѣній собирались и избирали изъ втораго или третьяго класса того, кто показалъ себя наидостойнѣйшимъ

наивеличайшими заслугами и благороднѣйшимъ свойствомъ чести быть принятъ въ ихъ классъ. Въ то самое время переходилъ онъ въ классъ дворянъ и наполнялъ упалое мѣсто новымъ родомъ, и съ самого часа своего вступленія, наслаждался толь же совершенно всѣми правами шляхетства, какъ бы былъ равны древностію міру. Напротивъ того Государь имѣлъ право избрать, для вчиненія на мѣсто каждаго прекратившагося колѣна, въ знатномъ дворянствѣ того изъ втораго класса, котораго почиталъ онъ къ тому наидостойнѣйшимъ. Дѣти слѣдующихъ четырехъ классовъ не были свободны отъ сего закона, развѣ токмо въ случаѣ явныя неспособности къ назначеніямъ того класса, коего были они члены, или совершенныя склонности и особливыя охоты къ трудамъ другія. Напослѣдокъ состоящіе въ шестомъ классѣ не могли, безъ точнаго позволенія отъ Государя, ограничивавшаго въ нѣкоторыхъ слу-

случаяхЪ законЪ переходитъ во вторый, третій или четвертый. По той же самой причинѣ, браки вышшихЪ степеней сЪ другими воспрещались закономЪ, отЪ котораго весьма рѣдко могЪ Государь свободить.

ТакимЪ образомЪ разныя состоянія довольно были отличены вЪ государствѣ. ТифанЪ судилЪ, что такое раздѣленіе было необходимо нужно для содержанія каждаго человѣка вЪ свойствѣ ему приличномЪ. ИзЪ того необходимо слѣдовало, что каждый классЪ долженствовалЪ получать свое особливое воспитаніе.

Дѣти третьяго, четвертаго и пятаго класса воспитывалисЪ частію вЪ отеческомЪ домѣ, частію вЪ публичныхЪ училищахЪ, для нихЪ учрежденныхЪ, частіюжЪ у мастеровЪ промысла своего, у которыхЪ должны были они трудиться шесть лѣтЪ, внѣ своея родины, щитая отЪ шестнатцати. ЧтожЪ надлежитЪ до купцовЪ, художниковЪ и тѣхЪ, кои упражнялисЪ вЪ тончай-

шихъ работахъ, что во всякомъ большомъ городѣ сего государства былъ нѣкоторый родъ Академіи, гдѣ каждый находилъ случай обучаться во всемъ возможномъ совершенствѣ и подъ предводительствомъ искусныхъ учителей, теоріи и практикѣ своего искуства. Но посѣщеніе сея Академіи возлагалось закономъ какъ по должности токмо на тѣхъ, которые хотѣли поселиться въ какомъ нибудь столичномъ городѣ сего государства.

Классъ ученыхъ, или, какъ китайскій переводчикъ ихъ называетъ, классъ *мандариновъ* содержалъ въ себѣ шесть особенныхъ: *академиковъ*; *жрецовъ*; *учителей*; *врачей*; *судей*; *смотрителей благочинія и другихъ верьховныхъ особъ*; *и стряпчихъ*. Порядокъ, по которому они здѣсь положены, означалъ въ Шешіанѣ ихъ чинъ. Всѣ, сосставляющіе сей классъ, отъ десяти до шестнатцати лѣтъ наслаждались общимъ воспитаніемъ въ учрежденныхъ для сего домахъ, которые мало

раз-

различались въ разсужденіи внѣшняго благоустройства отъ тѣхъ, въ которыхъ воспитывались Царевы и Царицы пріимыши. Въ каждомъ изъ оныхъ было по одному академику, жрецу и врачу, которые были онаго главные надзиратели. Одна изъ главныхъ должностей ихъ состояла въ испытаніи образа размышленія, природнаго разума и степени способностей сихъ молодыхъ людей. Они долженствовали замѣчать каждый день чинимыя ими открытія, съ такою же точностію, какъ бы сіе были атмосферическія или астрономическія наблюденія, и при концѣ двухъ послѣднихъ лѣтъ посылали къ намѣстнику провинціи сообщеніе съ разными совершеннаго искуства работами. Сей учреждалъ собраніе изъ шести академиковъ для ихъ испытанія; и по опредѣленію оныхъ каждый питомецъ назначался въ томъ изъ шести вышепомянутыхъ классовъ, къ которому склонность и дарованія его призывали; потомъ отсылали его въ

 выш-

вышнія училища, гдѣ особенный классъ ученыхъ, къ которому онъ тогда принадлежалъ, послѣдними наставленіями приводилъ его въ совершенное познаніе тоя должности, которую послѣ ему принять надлежало.

Въ избраніи *будущихъ жрецовъ* смотрѣли наипаче того щастливаго смѣшенія *сложенія тѣла*, которое подаетъ обладавшему онымъ *преимущественное расположеніе къ мудрости и добродѣтели*. Всѣ высокіе умы, всѣ весьма пылкіе, беспокойные, славолюбивые и предпріимчивые духи, всѣ молодые люди чрезвычайно живаго чувствія и воображенія изключались изъ сего состоянія, котораго существеннѣйшая должность состоитъ въ просвѣщеніи народа, примѣромъ непорочныхъ нравовъ и внушеній своими дѣяніями почтенія къ вѣрѣ. На сей главный предметъ стремилося все ихъ воспитаніе. Ихъ не обучали тѣмъ наукамъ, которыя не дѣлаютъ

ютъ непосредственно разумнѣйшимъ и лучшимъ, развѣ токмо по мѣрѣ того, сколько было нужно, чтобъ они ихъ не презирали; напротивъ того употребляли особливое вниманіе о *образованіи ихъ вкуса*; ибо Тифанъ утверждалъ, что тонкое и нѣжное чувствованіе изящнаго и хорошаго есть существенная часть мудрости. Вѣра, коей въ особливое служеніе они въ сихъ училищахъ предуготовлялисъ, не составляла уже, какъ прежде, плачевнаго богослуженія обезьянамъ Шешіанцевъ. Она была та, которую Ченгисъ прежде внушилъ младому Тифану, а сей сдѣлалъ ее основаніемъ всего своего законоположенія. Понеже она была во всемъ практическая, и всякое изысканіе о естествѣ всевышняго существа ясно воспрещалось закономъ, то съ одной стороны казалась она только учрежденіемъ *политическимъ*, но съ другой составляла дѣло точно до *сердца* принадлежащее; или чтобъ сказать другими словами,

дѣло состояло токмо въ томъ, чтобъ ею учинить гражданина полезнѣйшимъ, а человѣка щастливѣйшимъ, нежели какъ бы онъ могъ сдѣлаться безъ нея. Съ симъ токмо единымъ намѣреніемъ обучали молодыхъ жрецовъ разсуждать о вѣрѣ Шешіанской, и слѣдовательно нравственное любомудріе и ученіе законамъ составляли главное упражненіе ихъ искуса.

Подобнымъ образомъ имѣли попеченіе и о наставленіи тѣхъ, которыхъ предопредѣляли къ наученію юношества. На сіе единственно посвящены были училища. Тѣ, которые избиралисъ въ сіе состояніе, должны были показать опыты наивеличайшихъ способностей, остраго примѣчательнаго духа, великія гибкости души и благороднаго сердца. Тифанъ увѣренъ въ томъ былъ, что наилучшимъ токмо людямъ изъ народа должно ввѣрять попеченіе о драгоцѣннѣйшемъ его сокровищѣ. И по сему составляли они одинъ изъ наи-

ва-

важнѣйшихъ классовъ. По академикахъ и жрецахъ, почитались они перьвыми *служителями государства*; щедро были награждаемы за свои труды и по двадцатипятилѣтней службѣ провождали остатокъ дней своихъ въ независимости несовершенно праздной, но покойной, сопряженной со всеобщимъ почтеніемъ. Посвящаемые толь важному состоянію упражнялись по десяти лѣтъ, начиная съ шестнатцатаго года во всѣхъ до совершеннаго познанія человѣка надлежащихъ наукахъ и во всѣхъ дарованіяхъ, кои могли учинить ихъ къ ихъ должности способнѣйшими. Они вообще раздѣлены были на двѣ степени; на наставниковъ нижнихъ и наставниковъ вышнихъ классовъ; и для каждаго класса каждая провинція имѣла особливые домы.

Понеже Тифанъ занимался тѣмъ, дабы подать особливое воспитаніе перьвымъ классамъ гражданъ, а особливо тѣмъ, которые,

для отправленія своея должности, имѣли нужду въ хорошемъ обученіи наукамъ или государственнымъ законамъ: то можно удобно себѣ представить, что онъ неменѣе рачилъ и о доставленіи молодому шляхетству пристойнаго ихъ чину воспитанія. Шешіанскіе дворяне владѣли нетокмо большею частію земель, хотя безъ всякаго *права правосудія*; но ихъ уничтоженныя при Азорѣ и Исфандіарѣ преимущества, получили отъ Тифанова законоположенія такое сіяніе, что составляли они наизнатнѣйшій въ государствѣ классъ, какъ своими богатствами, такъ и преимуществами. Кромѣ существеннаго участія, принадлежавшаго имъ въ защитѣ законовъ и правъ народныхъ, имѣли они врожденное право на всѣ первыя гражданскія и военныя должности. Хотя Государь избиралъ того, кто ему казался добрымъ, но законъ обязывалъ его выбирать изъ шляхетства. Толь преимущественныя

пра-

права могли, по мнѣнію нашего законодателя, неиначе какъ сопряжены быть съ толикже великими должностями. Поелику дворяне составляли богатѣйшій классъ, то и споспѣшествовали больше другихъ государственнымъ потребамъ; и поелику были они главные государскіе помощники въ правленіи, то надлежало имъ потребныя имѣть къ сему званію способности и добродѣтели, предполагаемыя столь благороднымъ опредѣленіемъ. Тифанъ почиталъ, что всенародное благо не попускало благороднымъ предоставлять себѣ въ томъ выбора, чтобъ провождать жизнь свою въ праздности, или полезномъ упражненіи, ... презирать науки, коихъ они цѣны не понимаютъ, и быть мнимыми деспотами изящныхъ искуствъ, которыхъ первыя понятія для нихъ странны, или показываться обоихъ друзьями и просвѣщенными знатоками, . . быть грубыми и распутными въ своихъ нравахъ, развращенными

въ

вѣ своихѣ положеніяхѣ, соблазнительными и злотворными вѣ своихѣ дѣйствіяхѣ, или быть добродѣтельными, поступать по основаніямѣ любви кѣ отечеству, и сдѣлаться другами человѣчества . . . Однимѣ словомѣ, не зависѣло отѣ нихѣ принадлежать, по дѣйствительному своему достоинству, кѣ презрительнѣйшему классу, или, по своему рожденію, кѣ самому почтенному вѣ государствѣ. Онѣ судилѣ, что сіе не составляетѣ государственнаго блага, когда кто *расточаетѣ* плоды трудовѣ другихѣ. По его мнѣнію, напрасно было, сѣ подлою душею помышлять о славѣ и правахѣ своихѣ предковѣ. Онѣ не могѣ терпѣть, чтобѣ человѣкѣ безѣ всякихѣ заслугѣ, почиталѣ себя уполномоченнымѣ по причинѣ суетнаго имени, коимѣ одолженѣ былѣ единому случаю, взирать сѣ презреніемѣ на людей полезныхѣ государству, и благородныхѣ по своей добродѣтели. Для предохраненія Ше-

ші-

шіанскаго шляхетства отъ толь по-
стыднаго *перерожденія*, для приве-
денія его въ существенное его со-
стояніе, Тифанъ сочинилъ для него
такій планъ публичнаго вос-
питанія, который употребленными
имъ средствами къ приведенію его
въ совершенство, заключалъ въ се-
бѣ всю обширность великаго его на-
мѣренія. Онъ не думалъ изъ нихъ
сдѣлать *невольниковъ*, но надеж-
ныя подпоры престолу, разумныхъ
народоначальниковъ, храбрыхъ за-
щитниковъ его спокойствія и крѣп-
кихъ заступниковъ его правъ, испол-
ненныхъ благороднаго чувствія своея
независимости, освобожденныхъ отъ
всѣхъ требованій самовольныя вла-
сти, но послушныхъ закону, не-
способныхъ къ сказанію неправды
или къ учиненію подлости, велико-
душныхъ и умѣренныхъ въ своихъ
росходахъ, но притомъ умѣющихъ
презирать богатства, есть ли бы
оныя были наградою рабства и прес-
мыкающагося беззаконія, гордящих-
ся

ся тою бѣдностію, которая изливаемою на добродѣтель тѣнію, болѣе возвышаетъ, нежели помрачаетъ сіяніе оныя; покровителей всѣхъ полезныхъ наукъ, а наипаче урожденныхъ защитителей земледѣлія, коему одолжены они своею независимостію. Словомъ, онъ сдѣлалъ изъ нихъ такихъ людей, которые подавали другимъ государствамъ примѣръ всѣхъ добродѣтелей общественныя и гражданскія жизни, людей заслуживающихъ по единому личному своему достоинству, преимущества своего состоянія, есть ли бы не получили ихъ себѣ въ наслѣдіе.... Вотъ какими долженствовали быть Шешіанскіе дворяне, и вотъ какими сдѣлались они отъ законоположенія Тифанова. Училищи, въ которыхъ они воспитывались, состояли подъ непосредственнымъ смотреніемъ Государя и государственныхъ чиновъ. Наиискуснѣйшіе академики были ихъ наставниками и надзирателями. Все, что можетъ привести въ совершен-

ство тѣло, разумъ и сердце, истощено было въ ихъ воспитаніи. Оно начиналось съ пятилѣтняго возраста и окончивалось съ двадцатымъ. Сынъ Шешіанскаго дворянина не могъ требовать себѣ повышенія, есть ли не былъ воспитанъ въ семъ публичномъ училищѣ. Во время пяти послѣднихъ лѣтъ, надзиратели должны были посылать къ Государю учиненныя ими примѣчанія на дарованія и нравы своихъ питомцевъ, и на опыты ихъ прилѣжанія. Ежегодно представляли Государю окончавшихъ теченіе опредѣленнаго времени. Онъ наилучшихъ подданныхъ удерживалъ при своемъ дворѣ; а протчіе отсылались каждый въ свою провинцію, для наполненія пустыхъ мѣстъ, и упражненія въ дѣлахъ, надлежащихъ до ихъ состоянія.

Итимаддулетъ, сказалъ Шах-Жебалъ, мнѣ болѣе всего кажутся въ планѣ воспитанія твоего Тифана тѣ примѣчанія о свойствѣ и нравахъ, соединенныя съ дѣйствительными

опытами дарованій и нравовЪ молодыхЪ людей. СимЪ образомЪ никакое остроуміе и никакое отличное свойство во всемЪ государствѣ не было не извѣстно владѣтелю. ОнЪ не былЪ подверженЪ тому случаю, вЪ которомЪ мы обыкновенно находимся, дабы быть принужденными брать нашихЪ офицеровЪ какЪ билеты изЪ лотереи, такЪ какЪ ты недавно сказывалЪ. Государство его подобно было искусно устроенной махинѣ, на дѣйствіе которыя художникЪ можетЪ надѣяться, ибо онЪ вѣдаетЪ, что все помѣщено вЪ надлежащемЪ ему мѣстѣ, пружины, рычаги, колеса, винты, и прочія части. Я думаю, господинЪ ДанишемендЪ, что надобно бы было поучиться у него сему искуству. Но прежде, нежели поступимЪ вдаль, мнѣ еще хочется знать: ты часто упоминалЪ о академикахЪ, и есть ли не ошибаюсь, такЪ они составляли и первую степень ученыхЪ вЪ Шешіанѣ; что ты чрезЪ сихЪ господЪ разумѣешЪ?

Ваше

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, я отложилъ говорить вамъ объ нихъ для того, что не возможно подать Вашему Величеству настоящаго понятія о Академіи наукъ и художествъ, которыя Тифанъ былъ основатель, не предложивъ вамъ прежде того состоянія, въ которомъ находились до него ученость и вкусъ.

Съ великимъ удовольствіемъ, господинъ Данишемендъ, сказалъ Султанъ: но сего для нынѣшняго дня довольно. Старайся о томъ, что бы Президентъ моея Академіи въ самый перьвый разъ здѣсь присутствовалъ: сіе ему вреда не нанесетъ.

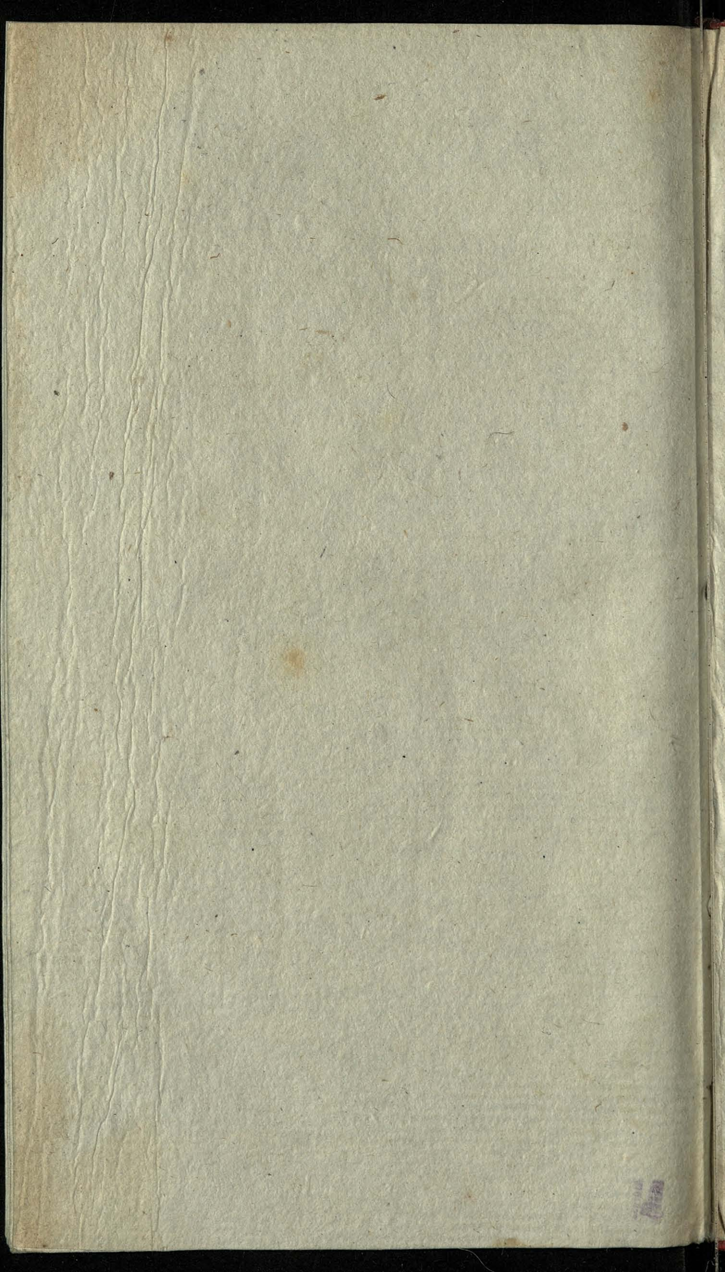
КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТЫЯ И ПОСЛѢДНІЯ ЧАСТИ.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Инв. МКIII-705

5332-63

Инв. №К III-705

